

ШАРЛЬ ЛУИ
МОНТЕСКЬЕ

О духе законов

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-Классика. Non-Fiction

Шарль Луи Монтескьё
О духе законов

«Азбука-Аттикус»

1748

УДК 341(44)(091)
ББК 67.3

Монтескьё Ш.

О духе законов / Ш. Монтескьё — «Азбука-Аттикус»,
1748 — (Азбука-Классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-23664-6

Шарль Луи Монтескье – прославленный философ и энциклопедист эпохи Просвещения, предвестник Французской революции и один из зачинателей доктрины либерализма. Его центральное произведение «О духе законов», над которым Монтескье работал на протяжении нескольких десятков лет, сразу же после публикации было включено Римской церковью в список запрещенных книг. Несмотря на этот запрет, трактат моментально обрел широкую известность и был переведен на все европейские языки. Написанная в увлекательной, доходчивой манере (Монтескье был блестящим писателем, чей слог, среди прочих, высоко оценивал А. С. Пушкин), книга отстаивает фундаментальные принципы политической свободы и равноправия всех людей. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 341(44)(091)
ББК 67.3

ISBN 978-5-389-23664-6

© Монтескьё Ш., 1748
© Азбука-Аттикус, 1748

Содержание

Предисловие	7
Заявление автора	9
Книга первая	10
Глава I	10
Глава II	12
Глава III	13
Книга вторая	15
Глава I	15
Глава II	16
Глава III	19
Глава IV	21
Глава V	23
Книга третья	24
Глава I	24
Глава II	25
Глава III	26
Глава IV	28
Глава V	29
Глава VI	30
Глава VII	31
Глава VIII	32
Глава IX	33
Глава X	34
Глава XI	35
Книга четвертая	36
Глава I	36
Глава II	37
Глава III	39
Глава IV	40
Глава V	41
Глава VI	42
Глава VII	44
Глава VIII	45
Книга пятая	47
Глава I	47
Глава II	48
Глава III	49
Глава IV	50
Глава V	51
Глава VI	53
Глава VII	54
Глава VIII	56
Глава IX	59
Глава X	60
Глава XI	61
Глава XII	62

Глава XIII	63
Глава XIV	64
Глава XV	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Шарль Луи Монтескье

О духе законов

Charles Louis Montesquieu
DE L'ESPRIT DES LOIX

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Предисловие

Если бы среди бесконечного разнообразия предметов, о которых говорится в этой книге, и оказалось что-нибудь такое, что против моего ожидания может кого-либо обидеть, то не найдется в ней по крайней мере ничего, сказанного со злым умыслом. Мой ум не имеет от природы склонности к порицанию. Платон благодарил небо за то, что родился во времена Сократа, я же благословляю небо за то, что оно судило мне родиться при правительстве, под властью которого я живу, и повелело мне повиноваться тем, к которым внушило любовь.

Я прошу одной милости, хотя и боюсь, что мне в ней откажут: не судить по минутному чтению о двадцатилетнем труде; одобрять или осуждать всю мою книгу целиком, а не отдельные ее фразы. Когда хотят узнать цели и намерения автора, то где же всего ближе искать их, как не в целях и намерениях его произведения.

Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона.

Обратившись к древности, я постарался усвоить дух ее, чтобы случаи, существенно различные, не принимать за сходные и не просмотреть различий между теми, которые кажутся сходными.

Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами. Чем больше будут размышлять над подробностями, тем более будут убеждаться в верности общих начал. Самые эти подробности приведены мною не все, ибо кто может сказать всё и не показаться при этом смертельно скучным?

Здесь не найдут тех крайностей, которые как будто составляют характерную особенность современных сочинений. При известной широте взгляда все крайности исчезают; проявляются же они обыкновенно лишь вследствие того, что ум писателя, сосредоточившись всецело на одной стороне предмета, оставляет без внимания все прочие.

Я пишу не с целью порицать установления какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства.

Нельзя относиться безразлично к делу просвещения народа. Предрассудки, присущие органам управления, были первоначально предрассудками народа. Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху Просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего; они рассматривают части только для того, чтобы познать целое, и исследуют все причины, чтобы уразуметь все последствия.

Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, — я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли новое удовольствие в повиновении, я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предрассудков. Предрассудками я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя.

Стремясь просветить людей, мы всего более можем прилагать к делу ту общую добродетель, в которой заключается любовь к человечеству. Человек – это существо столь гибкое и в общественном быту своем столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей – одинаково способен и понять свою собственную природу, когда ему показывают ее, и утратить даже всякое представление о ней, когда ее скрывают от него.

Я много раз начинал и оставлял этот труд, тысячу раз бросал я на ветер уже исписанные мною листы и каждый день чувствовал, что мои руки опускаются от бессилия. Исследуя свой предмет без всякого предварительного плана, я не знал ни правил, ни исключений, и если находил истину, то для того только, чтобы тут же утратить ее; но когда я открыл мои общие начала, то все, чего я искал, предстало предо мною, и на протяжении двадцати лет я видел, как труд мой возник, рос, развивался и завершился.

Если этому труду суждено иметь успех, я буду в значительной степени обязан этим величию моего предмета. Не думаю, однако, чтобы тут не было никакой заслуги и с моей стороны. Когда я прочел все, что было написано прежде меня столь многими великими людьми во Франции, в Англии и Германии, я был поражен восхищением, но не пал духом. «И я тоже художник!» – воскликнул я вместе с Корреджио.

Заявление автора

Для понимания первых четырех книг этого труда следует заметить, что 1) под словом *республиканская добродетель* я разумею любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская или нравственная, а *политическая добродетель*; она представляет ту главную пружину, которая приводит в движение республиканское правительство, подобно тому как *честь* является движущей пружиной монархии. На этом основании я и назвал любовь к отечеству и к равенству политической добродетелью: новые идеи, к которым я пришел, обязывали меня приискать для них и новые названия или употреблять старые слова в новом смысле. Лица, не понявшие этого, приписали мне много таких нелепых мнений, которые показались бы возмутительными во всех странах мира, так как во всех странах мира дорожат нравственностью; 2) следует обратить внимание на то, что между утверждением, что известное свойство, душевное расположение или добродетель не являются главными двигателями такого-то правительства, и утверждением, что они в этом правительстве совсем отсутствуют, есть большое различие. Если я скажу, что такое-то колесо или шестерня не относятся к орудиям, приводящим в движение механизм часов, то можно ли из этого заключить, что их совсем не имеется в этих часах? Столько же оснований для заключения, что христианские и нравственные добродетели и даже сама политическая добродетель отсутствуют в монархии. Одним словом, *честь* существует и в республике, хотя движущее начало республики – политическая добродетель, а политическая добродетель существует и в монархии, несмотря на то что движущее начало монархии – *честь*.

Говоря в V главе третьей книги моего сочинения о добродетельном человеке, я имел в виду не человека, обладающего христианскими или нравственными добродетелями, а человека, стремящегося к политическому благу, т. е. обладающего тою политическою добродетелью, о которой была речь. Это человек, который любит законы своей страны и любовью к ним руководствуется в своей деятельности. Все это я уточнил в настоящем издании путем еще более четкого определения своих идей; в большинстве случаев, где было употреблено мною слово *добродетель*, я заменил его выражением *политическая добродетель*.

Книга первая О законах вообще

Глава I О законах в их отношениях к различным существам

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы, они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Те, которые говорят, что все *видимые нами в мире явления произведены слепой судьбою*, утверждают великую нелепость, так как что может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же – это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и охранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их, и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира.

Эти правила – неизменно установленные отношения. Так, все движения и взаимодействия двух движущихся тел воспринимаются, возрастают, замедляются и прекращаются согласно отношениям между массами и скоростями этих тел; в каждом различии есть *единообразие*, и в каждом изменении – *постоянство*.

Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законом, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собою.

Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества; если разумные существа благодетельствованы другим существом, они должны питать к нему благодарность; если разумное существо сотворено другим разумным существом, то оно должно оставаться в той же зависимости, в какой оно находилось с первого момента своего существования; если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же злом, и т. д.

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им

с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

Неизвестно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с Богом более близкими отношениями, чем остальной материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, к другим существам и к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним.

Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они, подобно нам, умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы.

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные Богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собою, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвою неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя – и Бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя – и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних – и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Глава II

О законах природы

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Тот закон, который, запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает **первое** место по своей важности, но не по порядку законов во времени. Человек в природном состоянии обладает не столько познаниями, сколько способностью познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охранении. Такой человек вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство.

В таком состоянии каждый чувствует себя низшим по отношению к другим людям и лишь с трудом доходит до чувства равенства с ними. Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека.

Гоббс не прав, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека.

Если война не есть естественное состояние людей, то почему же, спрашивает Гоббс, люди всегда ходят вооруженными и запирают на ключ свои жилища? Однако не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты.

С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд. Поэтому **второй** естественный закон человека – стремление добывать себе пищу.

Я сказал, что страх побуждает людей бежать друг от друга; но как только они увидят, что страх их является взаимным, у них появится желание подойти друг к другу. Кроме того, их влечет к сближению и чувство удовольствия, испытываемое каждым животным при встрече с животным той же породы, причем то очарование, которое связано с различием двух полов, еще более увеличит это удовольствие. Таким образом, просьба, обращенная одним человеком к другому, составляет **третий** естественный закон человека.

Первоначально человек обладает способностью чувствовать; в дальнейшем он доходит до приобретения познаний. Таким образом, людей связывает вторая нить, которой нет у животных; отсюда возникает новый повод к сближению. Желание жить в обществе – **четвертый** естественный закон человека.

Глава III

О положительных законах

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу – отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества – отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами: это *международное право*. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми: это *право политическое*. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собою: это *право гражданское*.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны – победа; цель победы – завоевание; цель завоевания – сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Международное право имеется у всех народов, оно есть даже у ирокезов, поедающих своих пленников: они отправляют и принимают послов, у них существуют определенные правила ведения войны и поведения в период мира; плохо только, что это международное право основано не на истинных принципах.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них в отдельности. Общество не может существовать без правительства. «Соединение всех отдельных сил, – как прекрасно говорит Гравина, – образует то, что называется *политическим состоянием* (государством)».

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу, или нескольким лицам. Основываясь на том, что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного – самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев соответствует правлению нескольких лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств.

Вернее будет сказать, что правительство наиболее сообразно с природой в том случае, если его особенные свойства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли; это последнее единство и есть то, что, опять-таки по прекрасному выражению Гравина, называется гражданским состоянием.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, что составляет задачу политических законов, или только поддержание его существования, что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Именно это я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется *Духом законов*.

В этом исследовании я не отделяю *политических* законов от *гражданских*, так как, занимаясь исследованием не законов, а Духа законов, который заключается в различных отношениях законов к различным предметам, я должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов.

Я начну с рассмотрения тех отношений, в которых законы состоят к природе и принципу каждого правительства, уделяя особое внимание изучению этого принципа, ввиду того что он оказывает решающее влияние на законы. И если мне удастся установить этот принцип, я покажу, что законы вытекают из него, как из своего источника. Затем я перейду к рассмотрению других, по-видимому, более частных отношений.

Книга вторая

О законах, вытекающих непосредственно из природы правительства

Глава I

О природе трех различных образов правления

Есть три образа правления: республиканский, монархический и деспотический. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов, между тем как в деспотическом всё вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица.

Вот что я называю природой правления. Предстоит рассмотреть, каковы законы, непосредственно вытекающие из этой природы и, стало быть, имеющие значение основных краеугольных законов.

Глава II

О республиканском правлении и законах, относящихся к демократии

Если в республике верховная власть принадлежит всему народу, то это демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией. В демократии народ в некоторых отношениях является государем, а в некоторых отношениях – подданным.

Государем он является только в силу голосований, коими он изъявляет свою волю. Воля государя есть сам государь. Поэтому законы, определяющие право голосования, являются основными для этого вида правления. В самом деле, для республики столь же важно определить, как, кем, пред кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии – знать, кто государь и как он должен управлять.

Либаний говорит, что в Афинах иностранец, вмешавшийся в народное собрание, подлежал смертной казни; он был виновен в узурпации прав верховной власти.

Существенно важно определить число граждан, из коих состоит народное собрание, ибо без этого во многих случаях было бы неизвестно, высказался ли весь народ в целом или только часть его. В Лакедемонне требовалось 10 тысяч граждан. В Риме, рожденном в ничтожестве и возвысившемся до величия, в Риме, которому было суждено изведать все превратности фортуны, в Риме, который то видел всех своих граждан вне своих стен, то заключал в своих стенах всю Италию и часть земного шара, это число не было определено, и в этом заключалась одна из важных причин его падения.

Народ, обладающий верховной властью, должен делать сам все, что он в состоянии хорошо выполнить, а то, чего он не может выполнить, он должен делать через посредство своих уполномоченных.

Но эти уполномоченные не будут таковыми, если они не назначены самим народом; поэтому основной принцип этого вида правления состоит в том, что народ сам избирает своих уполномоченных, т. е. должностных лиц государства.

Подобно монархам, и даже в еще большей степени, народ нуждается в руководстве со стороны совета или сената. Но чтобы иметь к ним доверие, он должен сам избирать членов этих учреждений или непосредственно, как в Афинах, или чрез посредство особого учреждения, созданного народом для того, чтобы их выбирать, как это делалось в некоторых случаях в Риме.

Народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти. Тут ему нужно руководиться лишь обстоятельствами, которых он не может не знать, и самыми очевидными фактами. Он знает, например, что такой-то человек часто бывал на войне и воевал успешно, и вот он уже способен избрать полководца. Он знает, что такой-то судья усердно исполняет свои обязанности, никогда не был уличен в подкупности и что люди вообще довольны им, и он уже достаточно осведомлен для избрания претора. Он поражен роскошью и щедростью какого-нибудь гражданина, и это все, что ему нужно знать для выбора эдила. Все это факты, о которых он узнает на своих площадях гораздо лучше, чем монархи в своих дворцах. Но сумеет ли он сам выполнить какое-нибудь дело, изучить места, возможности, благоприятные моменты, воспользоваться этими знаниями? Нет, этого он не сумеет сделать.

Если бы кто-либо усомнился в естественной способности народа распознавать достоинства избираемых им лиц, то пусть он бросит взгляд на непрерывный ряд поразительно удачных выборов, которые были произведены афинянами и римлянами и которые, конечно, невозможно объяснять случайностью.

Известно, что хотя в Риме народ и завоевал себе право поручать отправление государственных должностей плебеям, он так и не мог решиться выбирать их, и, хотя в Афинах по закону Аристиды дозволялось избирать на эти должности лиц из всех классов, простой народ, по словам Ксенофонта, никогда не претендовал на те должности, от которых зависело его благополучие и его слава.

Подобно тому как большинство граждан вполне способны быть избирателями, но не имеют всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам.

Необходимо, чтобы дела шли, и шли не слишком скорым и не слишком замедленным шагом; но народ всегда или не в меру деятелен, или совсем безучастен. Иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползет, как насекомое.

В демократическом государстве народ разделен на определенные классы. В различных способах производить это разделение особенно наглядно проявился гений великих законодателей. Именно от правильности этого разделения и зависели всегда прочность и процветание демократии.

Сервий Туллий создавал свои классы, руководствуясь аристократическим принципом. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский рассказывают нам, как он сосредоточил право голосования в руках первых граждан государства. Он разделил римский народ на сто девяносто три центурии, образовавшие шесть классов. Поместив богатых в относительно меньшем количестве в первые центурии, а менее богатых в количестве сравнительно большем в следующие, он отбросил всю массу бедняков в одну последнюю центурию. И так как центурии имели только по одному голосу каждая, то выходило, что право голоса принадлежало не столько лицам, сколько влиянию и богатству.

Солон разделил афинский народ на четыре класса. Руководствуясь демократическим духом, он образовал эти классы для того, чтобы обозначить не тех, которые должны избирать, а тех, которые могут быть избраны; предоставив каждому гражданину право избирать, он разрешил избирать судей из граждан всех четырех классов, между тем как на более высокие государственные должности могли быть избраны лица только первых трех классов, в которые входили зажиточные граждане.

Итак, разделение на классы населения, имеющего право голоса, составляет основной закон республики. Другим основным ее законом является способ подачи голосов.

Назначение по жребию свойственно демократии; назначение по выборам – аристократии.

Жребий представляет самый безобидный способ избрания: он предоставляет каждому гражданину возможность послужить отечеству.

Но так как в этом именно состоит недостаток этого способа, то великие законодатели затратили большие усилия для того, чтобы его исправить и упорядочить.

В Афинах Солон постановил, чтобы назначения на все военные должности производились по выбору, а сенаторы и судьи назначались по жребию.

Далее, он постановил, чтобы те гражданские должности, которые были связаны с большими расходами, замещались по выбору, а прочие – по жребию.

Но для исправления недостатков, связанных с назначением по жребию, он определил, что избирать следует только из числа тех граждан, которые сами выставят свои кандидатуры, что достоинство избранного таким образом лица подлежит рассмотрению судей и что каждый гражданин может выдвинуть против него обвинение в том, что он недостоин избрания. Таким образом, получалось нечто среднее между избранием и жребием. Наконец, по истечении установленного срока снова производилось обсуждение деятельности данного должностного лица. Все это должно было в значительной степени удерживать неспособных людей от согласия баллотироваться по жребию.

Закон, определяющий самую форму подачи избирательных бюллетеней, также принадлежит к числу основных законов демократии. Здесь особую важность имеет вопрос, будет ли голосование открытым или тайным. Цицерон пишет, что законы, установившие в последние времена Римской республики тайное голосование, были одною из главных причин ее падения. Ввиду того что этот вопрос решается в различных республиках неодинаково, вот что, полагаю я, следует сказать о нем.

Когда голоса подает народ, то голосование, несомненно, должно быть открытым, и в этом следует видеть один из основных законов демократии. Нужно, чтобы руководители вразумляли простой народ и чтобы известные лица сдерживали его своим авторитетом. Поэтому, когда в Римской республике было введено тайное голосование, все в ней стало разрушаться; не было уже более возможности вразумить погибающий народ. Когда же голоса подаются в аристократии знатю или в демократии сенатом и когда поэтому все дело сводится лишь к предупреждению происков честолюбия, то в этих случаях находит применение самая строгая тайна голосования.

Происки честолюбия опасны в сенате и в знати, но они не опасны в народе, которому свойственно действовать по влечению страсти. В государствах, где народ не имеет никакого участия в управлении, он будет увлекаться каким-нибудь актером, так же как в других случаях увлекался бы государственными делами. Полное отсутствие честолюбивых стремлений – большое несчастье для республики. Оно постигает ее, когда народ развращен подкупам; он становится тогда равнодушным, пристращается к деньгам, но уже больше не интересуется государственными делами, не думает ни о правительстве, ни о его намерениях и пребывает в тупом спокойствии.

К основным законам демократии принадлежит и тот, в силу которого власть издавать законы должна принадлежать только народу. Однако есть тысячи случаев, когда бывают необходимы постановления сената; часто полезно даже испробовать закон, прежде чем установить его окончательно. Конституции Рима и Афин отличались в этом отношении большой мудростью. Определения сената имели там силу закона в продолжение года и обращались в постоянный закон только по воле народа.

Глава III

О законах, относящихся к природе аристократии

В аристократии верховная власть находится в руках группы лиц. Эти лица издают законы и заставляют исполнять их; остальной народ является по отношению к ним тем же, чем в монархии подданные по отношению к государю.

Выбор по жребию не должен иметь места; он проявил бы здесь только свои дурные стороны. В самом деле, в правлении, которое уже установило самые прискорбные различия между людьми, должностное лицо не станет менее ненавистным оттого, что оно выбрано по жребию: тут завидуют не служебной должности человека, а его знатности.

Если число знатных очень велико, то является необходимость в сенате для решения дел, которые знать не в состоянии решать сама, и для подготовки тех дел, которые подлежат ее решению. В этом случае можно сказать, что сенат представляет собою аристократию, знать — демократию, а народ — ничто.

В аристократическом государстве отрадны случаи, когда народ каким-нибудь косвенным способом оказывается выведенным из такого состояния небытия. Так, вследствие того, что генуэзский банк Св. Георгия управляется в основном почетными лицами из народа, народ получает возможность оказывать некоторое влияние на правительство, от чего зависит все его благосостояние.

Сенаторы не должны иметь права замещать по собственному выбору вакантные места в сенате: это повело бы к большим злоупотреблениям. В Риме, который первоначально был аристократическим государством, сенат не имел права избирать своих членов, новые сенаторы назначались цензорами. Чрезмерная власть, внезапно предоставленная в республике гражданину, образует монархию, и даже больше чем монархию. В монархии законы охраняют государственное устройство или приспособляются к нему, так что тут принцип правления сдерживает государя; в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо больше возможностей злоупотреблять ею, так как тут он не встречает никакого противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства.

Исключение из этого правила допустимо лишь в том случае, когда самое устройство государства таково, что оно нуждается в должности, сопряженной с чрезвычайною властью. Таков был Рим со своими диктаторами; такова Венеция со своими государственными инквизиторами: это страшные власти, насильственно возвращающие государство к утраченной свободе. Но чем объясняется столь существенное различие между обоими учреждениями в этих двух республиках? Тем, что в Риме диктатура защищала остатки его аристократии против народа, тогда как Венеция пользуется своими государственными инквизиторами, чтобы поддерживать свою аристократию против знати. Отсюда проистекают все различия: в Риме диктатура была кратковременной, потому что народом двигают не обдуманные намерения, а вспышки страсти; она должна была действовать гласно и торжественно, потому что имела в виду устрашить народ, а не карать его; диктатор назначался только для одного определенного дела и только в границах этого дела пользовался своей неограниченной властью, потому что назначение диктатора всегда вызывалось каким-нибудь непредвиденным случаем. Наоборот, в Венеции инквизиция должна быть учреждением постоянным: здесь намерения зарождаются, развиваются, откладываются на время и снова возрождаются, здесь честолюбивые стремления одного лица овладевают всем семейством, а от одного семейства передаются многим. Здесь необходимо тайное судилище, потому что преступления, которые оно карает, имеют глубокие корни и зарождаются в тишине и тайне. Власть этого судилища должна распространяться на все дела, потому что цель его — не только пресекать уже известное зло, но и предупреждать то зло, которое еще никому не известно. Наконец, инквизиция установлена, чтобы мстить даже

за те преступления, о существовании которых она только подозревает, между тем как римская диктатура действовала более угрозами, чем карами, даже против тех преступлений, в которых виновные уже сознались.

Во всех установлениях подобного рода обширность власти должна иметь свой противовес в кратковременности ее существования. Большинство законодателей назначает ей срок в один год. Большая продолжительность была бы опасна, а меньшая – не соответствовала бы существу дела. Кто согласился бы управлять на таких условиях даже домашними делами? В Рагузе глава республики сменяется каждый месяц, прочие должностные лица – каждую неделю, а комендант крепости – каждый день. Но это может иметь место лишь в небольшой республике, окруженной могущественными державами, которые легко могли бы подкупать мелких должностных лиц.

Лучшая аристократия та, где часть народа, не принимающая никакого участия во власти, настолько бедна и малочисленна, что господствующая часть народа не может извлечь никакой выгоды из того, чтобы угнетать ее. Так, Антипатр своим постановлением, лишившим в Афинах права голоса всех, у кого не было двух тысяч драхм, образовал лучшую из возможных аристократий, потому что этот ценз был так мал, что исключал лишь очень немногих и не затронул никого из граждан, пользовавшихся некоторым почетом в городе.

Итак, аристократические роды должны, насколько это возможно, сближаться с народом. Аристократия будет тем лучше, чем она более приближается к демократии, и тем хуже, чем она более приближается к монархии.

Худшая из аристократий та, где часть народа, которая повинуетя, находится в гражданском рабстве у той, которая повелевает, какова, например, аристократия Польши, где крестьяне – рабы дворянства.

Глава IV

О законах в их отношении к природе монархического правления

Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т. е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: «посредствующие, подчиненные и зависимые», потому что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона.

Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: «Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха». В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом.

Есть люди, которые в некоторых государствах Европы задумали полностью отменить юрисдикцию сеньоров. Они не видели, что добивались того, что было сделано английским парламентом. Уничтожьте в монархии прерогативы сеньоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое.

Трибуналы одной великой европейской державы на протяжении нескольких веков наносят удары исключительной юрисдикции господ и духовенства. Мы не хотим критиковать столь мудрых судей, но предлагаем подумать о том, до какой степени может измениться от этого государственное устройство.

Я не питаю чрезмерного пристрастия к привилегиям духовенства, но мне хотелось бы, чтобы его юрисдикция была раз навсегда точно определена. Вопрос не в том, следовало ли ее устанавливать, а в том, установлена ли она, составляет ли она часть законов страны, связанную со всеми прочими ее учреждениями, не должно ли существовать соответствие в положении двух властей, признаваемых независимыми, и не все ли равно для доброго подданного – защищать ли юстицию государя или те пределы, на которые она всегда претендовала.

Насколько власть духовенства опасна в республике, настолько она уместна в монархиях, и в особенности в тех из них, которые склоняются к деспотизму. Что случилось бы с Испанией и Португалией после утраты их законов без этой власти, которая одна только сдерживает могущество произвола? За неимением других преград хороша и эта, так как ввиду ужасных зол, которые деспотизм причиняет природе человека, даже зло, которое ограничивает его, есть уже благо.

Подобно тому как море, готовое, кажется, затопить всю землю, останавливается, встретив на своем пути травы и крошечные камешки, рассыпанные по его берегам, так и монархи с их, по-видимому, безграничной властью останавливаются перед малейшими препятствиями, смиряя свойственную им гордость перед обращенными к ним жалобой и мольбой.

Чтобы создать благоприятные условия для свободы, англичане уничтожили все посредствующие власти, входившие в состав их монархии. И они совершенно правы, сохраняя эту свободу; утратив ее, они стали бы самым рабским народом на земле.

Г. Ло, не понимавший ни республиканского, ни монархического государственного устройства, был одним из величайших поборников деспотизма, каких когда-либо видела Европа. Кроме произведенных им изменений, столь резких, столь необычных и неслыханных, он хотел устранить все посредствующие классы и уничтожить политические сословия; своими

химерическими выкупами он подрывал монархию и чуть ли не замыслил выкупить и самую конституцию.

Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы. Таким учреждением могут быть лишь политические коллегии, которые обнародуют вновь изданные законы и напоминают о существующих, когда о них забывают. Свойственное знати невежество, ее невнимательность и презрение к гражданской власти вызывают необходимость в учреждении, которое постоянно извлекало бы законы из тьмы забвения, в которой они были бы погребены. Состоящий при государе совет не годится для этой цели. По самой природе своей он есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов. Сверх того, совет государя постоянно меняется, он не действует непрерывно, не может быть многочисленным, наконец, он не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа и потому не в состоянии ни вразумить его в затруднительных обстоятельствах, ни привести его к повиновению.

В деспотических государствах, где нет основных законов, нет также и охраняющих их учреждений. Этим объясняется та особенная сила, которую в этих странах обычно приобретает религия: она заменяет непрерывно действующее охранительное учреждение; иногда же место религии занимают обычаи, которые там почитаются вместо законов.

Глава V

О законах, относящихся к природе деспотического государства

Из природы деспотической власти следует, что одно лицо, обладающее ею, поручает осуществлять ее также одному только лицу. Человек, которому все его пять чувств постоянно говорят, что он – все, а прочие люди ничто, естественным образом ленив, невежествен, сластолюбив. Поэтому он сам не занимается делами. Но если он поручит их нескольким лицам, то между ними пойдут распри, начнутся интриги из-за чести быть первым между рабами, и государю снова придется вмешиваться в дела правления. Поэтому гораздо проще предоставить все дела визирю, наделив его всей полнотой власти. Учреждение должности визиря есть поэтому основной закон такого государства.

Говорят, что некий папа, проникнутый во время избрания сознанием своей неспособности, очень долго отказывался от сана. Наконец он согласился и поручил вести все дела своему племяннику. Он был в восторге и говорил: «Я и не думал, что это так просто». То же и с государями Востока. Когда из затвора, где евнухи расслабляли их ум и сердце, часто оставляя их даже в полном неведении об их сане, их извлекают для того, чтобы возвести на трон, они сначала бывают озадачены; но после того, как они назначили визиря, удовлетворили свои необузданные страсти в серале да увидели, как легко выполняются все самые бессмысленные их капризы раболепным двором, они тоже находят, что «это так просто».

Чем обширнее государство, тем обширнее сераль и тем, следовательно, более государь упивается наслаждениями; так что чем большим количеством народов приходится в этих государствах управлять государю, тем меньше он озабочен делами правления; чем значительнее дела, тем меньше о них рассуждают.

Книга третья

О принципах трех видов правления

Глава I

О различии между природой правления и его принципом

После рассмотрения законов, вытекающих из природы каждого образа правления, надо рассмотреть те, которые вытекают из их принципа.

Различие между природой правления и его принципом в том, что природа его есть то, что делает его таким, каково оно есть; а принцип – это то, что заставляет его действовать. Первая есть его особенный строй, а второй – человеческие страсти, которые двигают им.

Но законы должны в такой же степени соответствовать принципу каждого правительства, как и его природе. Итак, надо найти этот принцип. Это и будет предметом настоящей книги.

Глава II

О принципе различных видов правления

Я сказал, что природа республиканского правления заключается в том, что там верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств; природа монархического – в том, что там этою властью обладает государь, управляющий, однако, в соответствии с установленными законами; природа деспотического образа правления – в том, что там управляет одно лицо по своей воле и прихотям. Вот все, что мне нужно для выяснения принципов этих трех видов правления; они естественно вытекают из этих определений. Я начну с республиканского образа правления, и прежде всего с его демократической формы.

Глава III

О принципе демократии

Для того чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет и сдерживает сила законов в монархии и вечно поднятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель – добродетель.

Сказанное мною подтверждается всей совокупностью исторических данных и вполне сообразно с природой вещей.

Ясно ведь, что монархия, при которой лицо, заставляющее исполнять законы, считает себя выше законов, не имеет такой надобности в добродетели, как народное правление, при котором лицо, заставляющее исполнять законы, чувствует, что само подчинено им и само несет ответственность за их исполнение.

Ясно также, что государь, который вследствие небрежности или дурных советов перестал бы блюсти за исполнением законов, может легко исправить порожденное этим зло: для этого ему стоит только взять других советников или самому исправиться от своей небрежности. Но если законы перестают соблюдаться в народном государстве, то оно уже погибло, так как причина этого зла может быть только в испорченности самой республики.

Поучительное зрелище представили нам в прошлом столетии бессильные попытки англичан водворить у себя демократию. Так как лица, принимавшие здесь участие в делах правления, далеко не отличались добродетелью, а честолюбие их разжигалось успехами лица, отличавшегося наибольшим дерзновением, и так как стремления одной партии могли быть обузданы только стремлениями другой, то правительства постоянно менялись и народ, всюду искавший демократию, к удивлению своему, не находил ее нигде. Наконец, после многих движений, толчков и потрясений пришлось остановиться на том самом образе правления, который до этого был отвергнут.

Когда Сулла захотел возратить Риму свободу, Рим уже не мог принять ее. Он сохранил лишь слабый след прежней добродетели, и так как в дальнейшем добродетель продолжала угасать, Рим, вместо того чтобы пробудиться после Цезаря, Тиберия, Кая, Клавдия, Нерона, Домициана, все более погрязал в рабстве; все удары падали на тиранов, и ни один – на тиранию.

Политические деятели Греции, жившие во времена народного правления, не признавали для него никакой другой опоры, кроме добродетели. Нынешние же только и говорят, что о мануфактурах, торговле, финансах, богатстве и даже о роскоши.

Когда эта добродетель исчезает, честолюбие овладевает всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием. Предметы желаний изменяются: что прежде любили, того уже не любят; прежде была свобода по законам, теперь хотят свободы противозаконной; каждый гражданин ведет себя как раб, убежавший от своего господина; что было правилом, то стало казаться строгостью; что было порядком, то стало стеснением, осмотрительность называют трусостью, корыстолюбие видят в умеренности, а не в жажде стяжаний. Прежде имущества частных лиц составляли общественную казну, теперь общественная казна стала достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила – это власть немногих и произвол всех.

В период своего позорного рабства Афины обладали теми же силами, что и во времена своего славного господства. Там было двадцать тысяч граждан, когда они защищали греков от персов, боролись за господство с Лакедемоном и шли походом на Сицилию, там было двадцать тысяч граждан и тогда, когда Деметрий Фалернский пересчитал их поголовно, как на рынке считают рабов. Когда Филипп осмелился господствовать в Греции, когда он показался у ворот Афин, то там ничего еще не было потеряно, кроме времени. Можно видеть из речей Демо-

сфена, каких трудов стоило пробудить афинян: они боялись Филиппа не как врага народной свободы, но как врага удовольствий. Этот город, уцелевший от стольких поражений и столько раз возрождавшийся после разрушений, был побежден при Херонее, и побежден навсегда. Что из того, что Филипп возвращает ему всех пленных? Он не возвращает прежних людей. Восторжествовать над силами Афин было всегда столь же легко, как трудно было восторжествовать над их добродетелью.

Каким образом мог бы удержаться Карфаген? Когда Ганнибал, став претором, захотел помешать чиновникам грабить республику, не обратились ли они с жалобами на него к римлянам? Эти несчастные хотели быть гражданами без государства и поручить охранять свое богатство своим разорителям! Вскоре Рим потребовал у них в заложники триста их знатнейших граждан, заставил их выдать оружие и корабли и затем объявил им войну. По тем подвигам, которые совершило в безоружном Карфагене отчаяние, можно судить о том, что могла бы совершить добродетель, когда он еще обладал всеми своими силами.

Глава IV

О принципе аристократии

Добродетель, составляющая условие народного образа правления, нужна также и для аристократического. Правда, в последнем она не столь настоятельно необходима.

Народ, который по отношению к знати является тем же, чем подданные по отношению к своему государю, сдерживается ее законами. Поэтому добродетель менее необходима для него, чем для народа демократического государства. Но что же будет сдерживать самую знать? Те ее представители, которым придется применять законы против равных себе, сразу же почувствуют, что они действуют против самих себя. Итак, добродетель необходима для аристократии по самой природе этого государственного устройства.

Аристократическое правительство по самой своей природе обладает некоторой силой, которой нет у демократии. Знать является в нем таким сословием, которое в силу своих прерогатив и ради своих собственных интересов сдерживает народ; так что в этом отношении, поскольку законы существуют, они исполняются.

Но насколько легко этому сословию обуздывать другие, настолько трудно ему обуздывать самого себя. Природа этого государственного строя такова, что он как будто в одно и то же время и ставит людей под власть закона, и освобождает их от нее.

Такое сословие может обуздывать себя двумя способами: или при посредстве великой добродетели, которая в некоторых отношениях как бы уравнивает знать с народом, что может послужить основой великой республики; или посредством меньшей добродетели, которая заключается в некоторой умеренности и, по крайней мере, уравнивает знать в ее среде, что и составляет охраняющую силу.

Умеренность есть поэтому душа этих правлений. Разумеется, умеренность, которая основана на добродетели, а не та, источник которой в трусости и духовной лени.

Глава V

О том, что добродетель не есть принцип монархического образа правления

В монархиях политика совершает великие дела при минимальном участии добродетелей, подобно тому как самые лучшие машины совершают свою работу при помощи минимума колес и движений. Такое государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей, которые мы находим у древних и о которых знаем только по рассказам.

Законы заменяют здесь все эти добродетели, ставшие ненужными; государство освобождает всех от них: всякое действие, не производящее шума, там в некотором смысле остается без последствий.

Хотя все преступления по природе своей суть явления публичные, тем не менее от преступлений действительно публичных принято отличать преступления частные, называемые так потому, что они вредят более отдельному лицу, чем целому обществу.

Но в республиках частные преступления ближе к публичным, т. е. таким, которые нарушают скорее конституцию государства, чем права отдельных лиц; а в монархиях публичные преступления имеют более характер частных, т. е. таких, которые скорее нарушают интересы отдельного лица, чем конституцию самого государства.

Убедительно прошу не оскорбляться тем, что я сказал; я говорю согласно со всеми свидетельствами истории. Я очень хорошо знаю, что добродетельные государи встречаются нередко, и хочу только сказать, что очень трудно достигнуть того, чтобы в монархии народ был добродетельным.

Прочитайте, что писали историки всех времен о дворах государей; вспомните, что говорят во всех странах о гнусной природе придворных; это не умозрение, а плоды печального опыта.

Честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, забвение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх перед добродетелью государя, надежда на его пороки и, что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью – вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмечавшиеся всюду и во все времена. Но трудно допустить, чтобы низшие были честны там, где большинство высших лиц в государстве люди бесчестные, чтобы одни были обманщиками, а другие довольствовались ролью обманываемых простаков.

Если же в народе и найдется какой-нибудь злополучный честный человек, то кардинал Ришелье в своем политическом завещании намекает, что государю следует остерегаться пользоваться его услугами. Вот до какой степени непреложна истина, что добродетель не есть движущее начало этого образа правления. Конечно, она может встретиться и в нем, но не она управляет его деятельностью.

Глава VI

Чем восполняется отсутствие добродетели в монархическом правлении

Лечу вперед поспешными шагами, чтобы предупредить подозрение, будто я пишу сатиру на монархическое правление. Нет, взамен одного двигателя у него есть другой. Честь, т. е. предрассудки каждого лица и каждого положения, заменяет в нем политическую добродетель, о которой я говорю выше, и всюду ее представляет. *Честь* может там вдохновлять людей на самые прекрасные деяния и в соединении с силою законов вести их к целям правительства не хуже самой добродетели.

Поэтому в благоустроенных монархиях всякий человек будет более или менее добрым гражданином, но редко кто будет человеком добродетельным, так как для того, чтобы быть человеком добродетельным, надо иметь желание быть таковым и любить государство не столько ради себя, сколько ради его самого.

Глава VII

О принципе монархии

Таким образом, в хорошо управляемых монархиях почти всякий человек является хорошим гражданином, и мы редко найдем в них человека, обладающего политической добродетелью, ибо, чтобы быть человеком, обладающим политической добродетелью, надо иметь намерение стать таковым и любить государство больше ради него самого, чем ради собственной пользы.

Монархическое правление, как мы сказали, предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа *чести* требует предпочтений и отличий. Таким образом, честь по самой своей природе находит себе место в этом образе правления.

Честолюбие, вредное в республике, может быть благотворно в монархии; оно одушевляет этот образ правления и притом имеет то преимущество, что не опасно для него, потому что может быть постоянно обуздываемо.

Все это напоминает систему мира, где есть сила, постоянно удаляющая тела от центра, и сила тяжести, привлекающая их к нему. Честь приводит в движение все части политического организма; самым действием своим она связывает их, и каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела, стремится к общему благу.

Правда, с философской точки зрения, эта честь, приводящая в движение все силы государства, есть ложная честь, но эта ложная честь так же полезна для общества, как была бы полезна истинная честь для отдельного лица.

И разве этого мало – обязывать людей выполнять все трудные и требующие больших усилий дела, не имея при этом в виду другого вознаграждения, кроме производимого этими делами шума?

Глава VIII

О том, что честь не есть принцип деспотических государств

Честь не может быть принципом деспотических государств: там все люди равны и потому не могут превозноситься друг над другом; там все люди рабы и потому не могут превозноситься ни над чем.

Сверх того, так как честь имеет свои законы и правила, от соблюдения которых она не может уклониться, так как она зависит от своих собственных прихотей, а не от чужих, то, по всему этому, она может иметь место лишь в государствах с определенным устройством и твердыми законами.

Может ли деспот потерпеть ее в своем государстве? Она полагает свою славу в презрении к жизни, а вся сила деспота только в том, что он может лишать жизни. Как она сама могла бы стерпеть деспота? У нее есть неуклонные правила и неприкосновенные прихоти, а деспот не имеет никаких правил и не признает никаких прихотей, кроме своих собственных.

Честь, неведомая в деспотических государствах, где часто нет даже и слова для ее обозначения, господствует в монархиях; там она вносит жизнь во все: в политический организм, в законы и даже в добродетели.

Глава IX

О принципе деспотического правления

Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна.

Безграничная власть государя переходит здесь целиком к тем, кому он ее поручает. Люди с большим самоуважением могли бы затевать в таком государстве революции, поэтому надо задавить страхом всякое мужество в людях и погасить в них малейшую искру честолюбия.

Правительство умеренное может по желанию и без опасности для себя ослабить бразды правления: оно держится собственной силою и силою законов. Но если в деспотическом государстве государь хотя бы на мгновение опустит угрожающую руку, если он не может без замедления уничтожать лиц, занимающих первые места в государстве, то все пропало, так как страх – единственное движущее начало этого образа правления – исчез и у народа нет более защитника.

В этом, по-видимому, смысле и говорили кадии, что великий повелитель не обязан соблюдать данное им слово или клятву, если он ограничивает ими свою власть.

Нужно, чтобы народ был судим по законам, а вельможи – по прихоти государя; чтобы жизнь последнего из подданных была ограждена, а жизнь пашей – в постоянной опасности. Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении. Сефевид, низвергнутый в наши дни в Персии Мир Вейсом, был свидетелем гибели правительства еще до завоевания страны, потому что он недостаточно пролил крови.

История говорит нам, что Домициан своими страшными жестокостями до того напугал своих чиновников, что народ чувствовал некоторое облегчение во время его царствования. Так поток, разрушивший все на одном берегу, оставляет на другом нетронутые пространства, где глаз издали замечает несколько зеленеющих лужаек.

Глава X

Различие в характере повиновения в умеренных и деспотических государствах

В деспотических государствах природа правления требует беспрекословного повиновения, и, раз воля государя известна, все последствия, вызываемые ею, должны наступить с неизбежностью явлений, обусловленных ударом одного шара о другой.

Здесь уже нет места смягчениям, видоизменениям, приспособлениям, отсрочкам, возмещениям, переговорам, предостережениям, предложениям чего-нибудь лучшего или равносильного. Человек есть существо, повинующееся существу повелевающему.

Здесь уже нельзя ни выражать опасений относительно будущего, ни извинять свои неудачи превратностью счастья. Здесь у человека один удел с животными: инстинкт, повиновение, наказание.

Здесь не принимаются во внимание естественные чувства (уважение к отцу, любовь к детям и женам), законы чести, состояние здоровья: приказ объявлен – этого достаточно.

В Персии раз государь осудил кого-нибудь, никто уже не смеет ни заводить с ним речь об осужденном, ни спрашивать для него помилования. И если бы, изрекая свой приговор, властелин был пьян или не в полном рассудке, приговор все-таки должен быть приведен в исполнение. Иначе государь противоречил бы самому себе, а закон не может себе противоречить. Такой образ мыслей всегда господствовал в этой стране: за невозможностью отменить указ царя Агасфера об избиении евреев, там пришлось разрешить им защищаться.

Но есть, однако, и там одна сила, которую можно иногда противопоставить воле государя: это религия. По приказу государя человек покинет своего отца, даже убьет его, но он не станет пить вина, несмотря ни на какие приказы. Законы религии исходят от высшей власти, одинаково обязательной как для государя, так и для его подданных. Иное дело – естественные права человека: тут государь перестает быть простым смертным.

В умеренной монархии верховная власть ограничивается тем, что составляет ее движущее начало, я хочу сказать – честью, которая, как монарх, господствует там над государем и народом. Там ссылаются не на требования религии – придворный счел бы это смешным, – а на правила чести. Отсюда происходят необходимые видоизменения в характере повиновения; понятию чести свойственны различные причуды, и все они отражаются на повиновении.

Но хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государи – люди более просвещенные и министры их несравненно искуснее и опытнее в делах правления, чем в деспотическом государстве.

Глава XI

Размышления обо всем этом

Таковы принципы трех видов правления. Это не значит, что в такой-то республике люди добродетельны, но это значит, что они должны быть таковыми. Из этого не следует также, что в таком-то монархическом государстве господствует честь, а в таком-то деспотическом – страх; из этого следует лишь, что так должно быть, ибо иначе эти государства не будут совершенными.

Книга четвертая

О том, что законы воспитания должны соответствовать принципам образа правления

Глава I

О законах воспитания

Законы воспитания – это первые законы, которые встречает человек в своей жизни. И так как законы эти подготавливают нас к тому, чтобы стать гражданами, то каждая семья должна управляться по образцу великой семьи, охватывающей все отдельные семьи.

Если весь народ живет каким-нибудь принципом, то все его составные части, т. е. семейства, живут тем же принципом. Поэтому законы воспитания должны быть различными для каждого вида правления: в монархиях их предметом будет честь, в республиках – добродетель, в деспотиях – страх.

Глава II

О воспитании в монархиях

В монархиях воспитание получают в основном не в публичных школах, где обучаются дети; настоящее воспитание начинается для человека лишь со времени его вступления в свет. Свет – вот та школа, где мы знакомимся с тем общим нашим наставником и руководителем, имя которому – честь.

В этой школе мы постоянно видим и слышим три вещи: «нужно известное благородство в добродетели, известная искренность в нравах и известная учтивость в обращении».

Добродетели, примеры которых мы видим здесь, всегда говорят нам менее о наших обязанностях к другим, чем о наших обязанностях к самим себе: предмет их не столько то, что влечет нас к нашим согражданам, сколько то, что отличает нас от них.

В поступке здесь ценят не доброе чувство, а показную красоту, не справедливость, а широту размаха, не благоразумие, а необычайность.

Усмотрев в известном поступке нечто благородное, честь или признает законность этого поступка как судья, или обосновывает его как софист.

Она допускает волокитство, если оно связано с представлением о чувствах сердца или о победе; и вот истинная причина того, почему в монархиях нравы никогда не бывают так чисты, как в республиканских государствах.

Она допускает хитрость, если она сочетается с представлением о великом уме или о великих делах, как это бывает в политике, уловки которой не оскорбляют ее.

Она запрещает лести лишь в том случае, когда она не связана с представлением о большой выгоде и свидетельствует только о нашей низости.

Что же касается до нравов, то, как я уже сказал, монархическое воспитание должно внести в них известную долю искренности и прямоты. Там, следовательно, требуют правды от речей человека. Но из любви ли к самой правде? Вовсе нет, а только потому, что человек, привыкший говорить правду, кажется смелым и свободным. И в самом деле, создается впечатление, что такой человек считается только с действительным положением вещей, а не с мнением людей о нем.

Вот почему там столько же ценят прямоту подобного рода, сколько презируют прямоту народа, основанную лишь на простодушии и правдивости.

Наконец, воспитание в монархиях требует известной учтивости в обращении. Люди созданы для совместной жизни, и потому они должны нравиться друг другу. Человек, который стал бы оскорблять своих ближних несоблюдением правил приличия, уронил бы себя в общественном мнении до такой степени, что лишил бы себя всякой возможности быть полезным.

Но не из этого чистого источника проистекает обыкновенно учтивость. Ее порождает желание отличиться. Мы учтивы из чванства: нам льстит сознание, что самые приемы нашего обращения доказывают, что мы не принадлежим к низшим слоям общества и никогда не знали с этой породой людей.

В монархиях вежливость сосредоточивается при дворе. Перед необычайным величием одного человека все прочие чувствуют себя одинаково малыми. Отсюда любезная внимательность ко всем; отсюда эта вежливость, равно приятная и тем, которые ее оказывают, и тем, которым она оказывается; ибо она свидетельствует о том, что мы принадлежим ко двору и достойны состоять при нем.

При дворе люди обыкновенно отказываются от своего собственного величия для заимствованного. Последнее более лестно для придворного, чем свое. Оно сообщает некоторую высокомерную скромность, которая распространяется далеко, но горделивость которой незаметно уменьшается по мере удаления от источника этого величия.

При дворе мы находим тот тонко развитый вкус, который происходит от постоянного пользования излишествами большого богатства, от разнообразия удовольствий и особенно от пресыщения ими, от множества и даже хаотического смещения всевозможных причуд, которые там всегда поощряются, если могут доставить удовольствие.

На все это и обращает свои усилия воспитание, чтобы образовать так называемого порядочного человека, т. е. такого, который обладал бы всеми желательными для этого образа правления качествами и добродетелями.

Здесь все проникнуто понятием чести – оно пронизывает всякий образ мыслей, каждое чувство, оно определяет даже принципы.

Эта своеобразная честь возводит в добродетель все, что ей угодно и как угодно. Она собственной властью предписывает правила всему, что нам вменено в обязанность, и по произволу своей фантазии то расширяет, то суживает пределы наших обязанностей, где бы ни был их источник: в религии, в политике или в морали.

Ничто в монархиях не предписывается так настоятельно религией, законами и честью, как повиновение воле государя; но эта честь в то же время подсказывает нам, что государь никогда не должен требовать от нас действия, несогласного с честью, так как это лишило бы нас способности служить ему.

Крильон отказался умертвить герцога Гиза, но заявил Генриху III, что согласен драться с ним на поединке. Когда Карл IX после Варфоломеевской ночи дал всем губернаторам приказ избивать гугенотов, виконт д'Юрт, комендант Байонны, писал королю: «Государь, между жителями и военными я нашел только добрых граждан и храбрых солдат, но ни одного палача, поэтому мы умоляем Ваше Величество употребить наши руки и жизни для дела, которое мы в состоянии исполнить». Для мужественного и великодушного сердца этого человека совершение подлости было делом невозможным.

Из всего, что честь вменяет знати в обязанность, самое настоятельное – служить государю на войне. В самом деле, это особенно почетная служба, так как все ее случайности, успехи и даже неудачи ведут к величию. Но, установив этот закон, честь и его подчиняет своему, верховному суду и если почувствует себя оскорбленной, то позволяет воину вернуться домой или даже требует от него этого.

Она требует, чтобы люди с одинаковым равнодушием искали должностей и отказывались от них, и эту свободу ценит выше самого богатства.

Итак, честь имеет свои верховные правила, и воспитание должно сообразоваться с ними. Первое, и главнейшее из них позволяет нам дорожить имуществом, но безусловно запрещает дорожить жизнью.

Второе правило чести требует, чтобы, возвысившись до того или иного ранга, мы не совершали сами и никому не позволяли совершать по отношению к нам ничего, показывающего, что мы не стоим на высоте, соответствующей этому рангу.

Третье правило ее внушает, чтобы мы тем более избегали нарушать требования чести, чем менее эти нарушения преследуются законом, и тем неукоснительнее выполняли эти требования, чем менее законы настаивают на их выполнении.

Глава III

О воспитании в деспотическом государстве

Как в монархических государствах воспитание стремится вселить в сердца дух высокомерия, так в деспотических государствах оно старается их унижить. Оно должно быть проникнуто духом рабства. Хорошо, если в этом духе воспитаны здесь и начальствующие, ибо в этом государстве всякий тиран в то же самое время и раб.

Безоговорочное повиновение предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает: ему незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, когда достаточно только приказать.

В деспотических государствах каждый дом – отдельное государство. Поэтому задача воспитания, заключающаяся главным образом в том, чтобы научить искусству жить с другими людьми, там очень ограничена: она сводится к тому, чтобы вселить в сердца страх, а умам сообщить познание некоторых самых простых правил религии. Знание там было бы опасно, соревнование губительно, что же касается добродетелей, то, по мнению Аристотеля, нет ни одной добродетели, которая была бы свойственна рабам; все это очень суживает задачи воспитания в этом строе.

В известном смысле воспитание там совсем отсутствует. Надо лишить человека всего, чтобы дать ему нечто, и сначала сделать из него дурного подданного, чтобы потом получить хорошего раба.

Да и зачем стараться там воспитать хорошего гражданина, чуткого к общественным бедствиям? Ведь любовь к государству может увлечь его к попыткам ослабить бразды правления, и если это ему не удастся, то он погубит себя; а если удастся, то он рискует погубить и себя самого, и государя, и государство.

Глава IV

Различные плоды воспитания у древних и у нас

Большинство древних народов жило в государствах, принципом которых была добродетель, и в пору процветания этой последней там совершались дела, которых мы теперь уже не видим и которые поражают изумлением наши мелкие души.

Их воспитание имело еще и другое преимущество перед нашим: последующая жизнь не отрицала его. Эпаминонд и в последние годы своей жизни говорил, видел, слышал и делал то же самое, чему его учили в детстве.

Ныне же мы получаем воспитание из трех различных и даже противоположных друг другу источников: от наших отцов, от наших учителей и от того, что называют светом. И уроки последнего разрушают идеи двух первых. Это отчасти происходит от существующего у нас противоречия между требованиями религии и правилами света – явления, неизвестного древним.

Глава V

О воспитании в республиканском государстве

Ни одно правление не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как республиканское правление. Страх в деспотических государствах зарождается сам собою под влиянием угроз и наказаний; честь в монархиях находит себе опору в страстях человека и сама служит им опорой; но политическая добродетель есть самоотверженность – вещь всегда очень трудная.

Эту добродетель можно определить как любовь к законам и к отечеству. Эта любовь, требующая постоянного предпочтения общественного блага личному, лежит в основании всех частных добродетелей: все они представляют собою не что иное, как это предпочтение.

Эта любовь получает особенную силу в демократиях. Только там управление государством вверяется каждому гражданину. Но правительства подчинены тому же закону, что и все вещи в мире. Чтобы их сохранить, надо их любить. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы государь не любил монархии, а деспот ненавидел деспотизм. Дело, следовательно, в том, чтобы водворить в республике эту любовь, ее-то и должно прививать воспитание. Но лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.

Человек обыкновенно способен передавать детям свои познания; в еще большей степени он способен передавать им свои страсти.

Если же этого не происходит, то это значит, что все внушаемое в родительском доме разрушается влияниями, приходящими извне.

Народ вырождается не в пору своего зарождения; он погибает лишь тогда, когда зрелые люди уже развращены.

Глава VI

О некоторых учреждениях греков

Древние греки, проникнутые сознанием необходимости того, чтобы народы, живущие под властью народного правительства, воспитывались в духе добродетели, придумали с этою целью весьма оригинальные учреждения. Читая в жизнеописании Ликурга о законах, данных им лакедемонянам, мы можем подумать, что читаем историю Севарамбов. Законы Крита были прообразом законов Лакедемона, а законы Платона – их исправленным изданием.

Я прошу обратить внимание на силу гения, которою должны были обладать эти законодатели для того, чтобы видеть, что, нарушая все принятые обычаи и смешивая все добродетели, они явят миру свою мудрость. Ликург, смешав грабеж с духом справедливости, беспощадное рабство с крайней свободой и самые свирепые чувства с величайшей умеренностью, дал устойчивость своему городу. Он, по-видимому, отнял у него все: ремесла, торговлю, деньги, городские стены; там есть честолюбие, но нет надежды удовлетворить его; есть влечения, внушаемые природой, но нет ни отца, ни мужа, ни детей; и даже стыдливость отнята у целомудрия. Вот пути, которыми Спарта шла к величию и славе, и учреждения ее были столь непогрешимы, что никакие одержанные над нею победы не могли сломить ее, если не удавалось сломить эти учреждения.

Таковыми законами управлялись Крит и Лакедемон. И Лакедемон последний сдался македонянам, а Крит стал после всех добычею римлян. Те же самые учреждения были и у самнитян, и они доставили римлянам двадцать четыре триумфа.

Та же необычайная сила, которую мы видели в учреждениях Греции, явилась нам и среди грязи и разложения нашего времени. Один законодатель и честный человек образовал народ, у которого честность – такое же естественное качество, как храбрость у спартанцев.

Г. Пенн – настоящий Ликург, и хотя первый поставил себе целью мир, а второй – войну, они сходны по тем своеобразным путям, на которые они вывели свои народы, по силе своего влияния на свободных людей, по своим победам над их предрассудками и господству над их страстями.

Другой пример может нам представить Парагвай. То, что было сделано здесь, хотели вменить в преступление обществу, которое в удовольствии повелевать видит единственное благо жизни. Но управлять людьми, делая их счастливыми, всегда прекрасно.

Это общество достойно славы за то, что первое показало в этих странах пример сочетания религии с гуманностью. Исправляя опустошения, произведенные в стране испанцами, оно приступило к излечению одной из величайших ран, когда-либо нанесенных человечеству.

Тонкая чувствительность этого общества ко всему, что оно называет честью, его рвение к религии, которая в гораздо большей степени смиряет тех, кому она проповедуется, чем тех, кто ее проповедует, позволили ему затеять великие предприятия и успешно выполнить их. Оно вызвало из лесов рассеянные в них народы, обеспечило их пищей, снабдило их одеждой; и если бы все это повело лишь к тому, что больше людей стало заниматься промышленностью, то и этим одним было бы уже много сделано. Те, кто пожелает создать подобные учреждения, должны установить общность имущества республики Платона, благочестие, которого он требовал по отношению к богам, отчуждение от иностранцев для охранения нравов; нужно поручить ведение торговли государству, а не отдельным гражданам; нужно дать людям наши искусства без нашей роскоши и наши нужды без наших желаний.

Нужно запретить употребление денег, которое ведет к тому, что люди увеличивают свои богатства выше меры, положенной природой, бесполезно хранят то, что они бесполезно накопили, и до бесконечности умножают свои желания. Деньги как бы восполняют природу, кото-

рая дала нам очень ограниченные средства для того, чтобы возбуждать наши страсти и развращать друг друга.

Граждане Эпидамна, почувствовав, что нравы у них портятся вследствие сношений с варварами, избрали особое должностное лицо для заведования всеми торговыми оборотами от имени города и для города. Таким образом, торговля перестает вносить разложение в государственное устройство, а государственное устройство не лишает общество выгод торговли.

Глава VII

В каком случае могут быть полезны эти своеобразные учреждения

Учреждения подобного рода могут быть уместны в республиках, так как в основе их лежит политическая добродетель. Но для того, чтобы развить чувство чести у подданных монархии и внушать страх подданным деспотических государств, не требуется так много забот.

Кроме того, такие учреждения возможны лишь в небольших государствах, где можно весь народ воспитывать как одно семейство, в одном, общем для всех направлении.

Законы Миноса, Ликурга и Платона предполагают бдительный надзор одних граждан над другими, на который нельзя рассчитывать при смятении, рассеянности и обширном характере дел народа крупного государства.

Эти учреждения требуют, как было уже сказано, отмены денег. Но в больших обществах многочисленность, разнообразие, сложность, важность дел, удобства купли-продажи и медленность обмена требуют общей денежной меры. Для повсеместного распространения своей власти или повсеместной защиты ее надо иметь то, с чем люди везде связывают власть.

Глава VIII

Объяснение одного парадоксального мнения древних, относящегося к воспитанию нравов

Полибий, рассудительный Полибий, говорит нам, что музыка была необходима для смягчения нравов обитателей Аркадии, которые жили в стране суровой и холодной, и что жители Кинета, пренебрегавшие музыкой, превзошли в жестокости всех прочих греков, так что не было города, где совершалось бы столько преступлений, как у них. Платон не побоялся даже сказать, что нельзя внести никакого изменения в музыку, которое не повлекло бы за собой соответственного изменения в государственном устройстве.

Аристотель, который написал свою *Политику*, кажется, только для того, чтобы противопоставить свои идеи идеям Платона, согласен, однако, с ним в мнении о важном влиянии музыки на нравы. Теофраст, Плутарх, Страбон – все древние писатели разделяли эту точку зрения. И это у них не необдуманное мнение, а одно из основных начал их политики. Так они создавали законы; так, думали они, надо управлять государствами.

Полагаю, что я буду в состоянии объяснить это. Надо иметь в виду, что в греческих городах, и особенно в тех, главным занятием которых была война, всякий труд и всякая профессия, которые имели целью денежный заработок, считались недостойными свободного человека. «Большая часть ремесел, – говорит Ксенофонт, – калечит тела людей, занимающихся ими; они заставляют сидеть в тени или близ огня и не оставляют времени ни для общения с друзьями, ни для участия в государственных делах». Ремесленники стали гражданами в некоторых демократиях только в пору разложения последних. И Аристотель, сообщая нам об этом, утверждает, что благоустроенная республика никогда не даст им права гражданства.

Земледелие тоже считалось делом рабским, и занимался им обыкновенно какой-нибудь покоренный народ: илоты у лакедемонян, периэки у критян, пенесты у фессалийцев и другие поработанные народы в других республиках.

Наконец, всякая мелкая торговля считалась у греков постыдной. Она заставляла гражданина оказывать услуги рабу, постояльцу, иностранцу, мысль об этом возмущала свободолюбие эллина, и Платон в своих законах требует наказания для гражданина, занявшегося торговлей.

Таким образом, греческие республики были в очень затруднительном положении. Они не хотели, чтобы граждане занимались торговлей, земледелием, ремеслами, но не хотели также, чтобы они проводили время в праздности. Граждане не имели никаких других занятий, кроме гимнастических и военных упражнений. На греков надо поэтому смотреть как на общество атлетов и воинов. Но эти упражнения, столь пригодные для воспитания людей грубых и диких, требовали противовеса в других занятиях, способных смягчать нравы. Музыка как искусство, действующее на душу через посредство органов тела, была очень подходящим для этого средством. Она занимает середину между телесными упражнениями, которые делают людей жестокими, и отвлеченными умствованиями, которые делают их нелюдимыми. Нельзя сказать, чтобы музыка внушала добродетель. Это было бы непостижимо; но она противодействовала ожесточающему влиянию грубого учреждения и в области воспитания отводила и для души место, которого у нее без этого не было бы.

Предположим, что среди нас есть общество людей, до того страстно любящих охоту, что они ею одной только и занимаются. Нет сомнения, что такое занятие подействовало бы на них ожесточающим образом. Но если бы эти люди, кроме того, получили бы еще и вкус к музыке, то вскоре в их обращении и нравах мы заметили бы некоторое различие сравнительно с прежним. Наконец, обычные упражнения греков возбуждали в них лишь грубые страсти: суровость, гнев, жестокость. Музыка же пробуждает все чувства и дает душе ощутить кротость, сострада-

ние, нежность, тихую отраду. Наши сочинители моральных рассуждений, с такою строгостью запрещающие нам посещать театры, этим достаточно убеждают нас в силе той власти, которую имеет музыка над душой человека.

И если бы обществу, о котором я говорил, дали одни барабаны и трубы, то, не правда ли, поставленной цели было бы труднее достигнуть, чем если бы ему дали более нежную музыку. Древние поэтому были правы, отдавая в определенных обстоятельствах предпочтение тому или другому средству воздействия на нравы. Но почему же, спросят, отдавать предпочтение музыке? Потому, что изо всех чувственных удовольствий она менее всего способна повреждать нравы. Мы краснеем, читая у Плутарха о фиванцах, которые для смягчения нравов молодежи узаконили у себя некоторый род любви, который должен был бы быть осужден всеми народами мира.

Книга пятая

Законы, издаваемые законодателем, должны соответствовать принципу образа правления

Глава I

Идея этой книги

Мы уже установили, что законы воспитания должны соответствовать принципу каждого правления. То же следует сказать и о законах, создаваемых законодателем для всего общества. Это соответствие законов с принципом правления приводит в действие все пружины правления, и самый принцип получает от этого новую силу. Так в области физических движений за всяким действием всегда следует противодействие. Мы рассмотрим это соответствие для каждого вида правления отдельно и начнем с государства республиканского, принцип которого — добродетель.

Глава II

Что такое добродетель в политическом государстве

В республике добродетель есть очень простая вещь: это – любовь к республике, это – чувство, а не ряд сведений. Оно столь же доступно последнему человеку в государстве, как и тому, который занимает в нем первое место. Раз усвоив себе добрые правила, народ держится за них дольше, чем так называемые порядочные люди. Разложение редко начинается с него, и часто из своих скудных познаний он черпает более сильную привязанность к тому, что установлено.

Любовь к отечеству порождает добрые нравы, а добрые нравы порождают любовь к отечеству. Чем менее мы можем удовлетворять наши личные страсти, тем более мы отдаемся общим. Что заставляет монахов так любить свои монашеские ордена? Именно то, чем они всего более несносны для них. Уставы орденов лишают их членов всего, что питает обычные страсти человека, оставляя место только одной страсти – к тому самому уставу, который удручает их. И чем он более суров, т. е. чем больше склонностей он урезывает, тем более силы придает он тем склонностям, которые не подвергаются его запрету.

Глава III

Что такое любовь к республике в демократии

Любовь к республике в демократии есть любовь к демократии, а любовь к демократии есть любовь к равенству.

Любовь к демократии есть, кроме того, любовь к умеренности. Так как все должны там пользоваться одинаковым благополучием и выгодами, то каждый должен иметь такие же удовольствия и предаваться таким же надеждам, что и прочие; а все это возможно только при общей умеренности.

Любовь к равенству в демократии ограничивает честолюбие одним желанием, одним счастьем – послужить отечеству более важными деяниями, чем прочие граждане. Все не могут быть для него равно полезны, но всё равно должны быть ему полезны. Граждане уже с самого рождения находятся в неоплатном долгу перед отечеством.

Таким образом, самые отличия вытекают там из принципа равенства, даже когда последнее, по-видимому, совсем устраняется превосходством таланта или удачным служением.

Любовь к умеренности ограничивает в демократии стремление приобретать желанием иметь необходимое для семьи, а излишек – для отечества. Богатство дает власть, которую гражданин не может употреблять для собственной пользы, потому что он перестал бы быть равным другим гражданам. Оно доставляет наслаждения, которыми он тоже не должен пользоваться, потому что этим также нарушалось бы равенство.

Поэтому благоустроенные демократии, утвердив умеренность в области домашней жизни, открыли двери для роскоши в области жизни общественной, как это и было в Афинах и в Риме. Так умеренность явилась источником изобилия и великолепия, и как религия требует, чтобы жертвы богам были приносимы чистыми руками, так законы устанавливают умеренность в нравах, чтобы была возможность приносить дары отечеству.

Здравый смысл и благополучие отдельных лиц в значительной степени обуславливаются посредственностью их талантов и достатка. Республика, в которой законы воспитают большое число людей посредственных, будет управляться благоразумно, ибо она будет состоять из людей благоразумных; она будет очень счастлива, ибо ее население будет счастливо.

Глава IV

Как внушается любовь к равенству и умеренности

Любовь к равенству и умеренности доводится до высшей степени самими же равенством и умеренностью у людей, живущих в обществе, где и то и другое установлено законом.

В монархиях и в государствах деспотических никто не стремится к равенству; даже мысль об этом никому не приходит в голову; там каждый стремится к возвышению. Люди самого низкого положения желают выйти из него лишь для того, чтобы господствовать над другими людьми.

То же и с умеренностью: чтобы полюбить ее, надо наслаждаться ею. И конечно, не люди, развращенные роскошью, могут полюбить воздержание; если бы этот переход был явлением естественным и обычным, то Алкивиад не стал бы предметом восхищения всего мира. Не любят умеренность и те, которые завидуют роскоши других людей или восхищаются ею; люди, которые имеют перед глазами только или богачей, или таких же бедняков, как они сами, ненавидят свою бедность, не любя и не ведая того, что составляет середину между бедностью и богатством.

Итак, вполне истинно правило, что для развития любви к равенству и умеренности в республике нужно, чтобы они были там установлены законами.

Глава V

Как законы водворяют равенство в демократии

Некоторые древние законодатели, как, например, Ликург и Ромул, разделили земли поровну. Это могло произойти лишь при основании новой республики или когда старая была до того испорчена и состояние умов в ней было таково, что бедные считали необходимым домогаться подобного средства, а богатые допустить его. Если законодатель, совершив такой раздел, не установит особых законов для его охранения, то создание его будет недолговечно: неравенство проникнет в него с той стороны, которая не защищена законом, и республика погибнет.

Поэтому для поддержания этого порядка необходимо регулировать приданое женщин, дарения, наследования, завещания, наконец, все роды договоров. Ибо если бы было дозволено передавать свое имущество кому угодно и как угодно, то каждая отдельная воля подрывала бы положения основного закона.

Солон, дозволив афинянам в случае бездетности передавать имущество по завещанию кому угодно, пошел вразрез с древними законами, не позволявшими выхода имущества из семьи завещателя. Он стал вразрез и со своими собственными законами, так как, уничтожая долги, он добивался равенства.

Закон, запрещавший получать более одного наследства, был очень благоприятен для демократии. Он коренился в равном разделе земельных участков между гражданами. Он не допускал скопления в одних руках нескольких участков.

Из такого же источника вытекал закон, предписывавший брак наследницы с ее ближайшим родственником. Он был установлен у евреев после подобного же раздела. Платон, законы которого основаны на этом разделе, тоже дает этот закон; и это был закон Афинской республики.

В Афинах был один закон, дух которого, насколько мне известно, никто до сих пор не мог уяснить. Он разрешал жениться на сестре единокровной, но не на сестре единокровной. Этот обычай вел свое происхождение от республик, которые согласно господствовавшему в них духу не допускали сосредоточения в одних руках двух земельных участков, а следовательно, и двух наследств. Человек, вступивший в брак со своей сестрой с отцовской стороны, мог получить только одно наследство – от своего отца; но если он вступал в брак с сестрой единокровной, то могло случиться, что отец этой сестры за неимением у него детей мужского пола сделал бы ее своей наследницей, вследствие чего ее брат, женившийся на ней, получил бы два наследства.

И пусть не возражают мне указанием на Филона, который говорит, что если в Афинах разрешалось жениться на сестрах единокровных, а не на единокровных, то в Спарте можно было жениться лишь на единокровных, а не на единокровных сестрах. Ибо у Страбона мы читаем, что в Лакедемонии сестра, вышедшая замуж за брата, получала в приданое половину части, приходившейся на долю брата. Ясно, что этот закон был издан для предупреждения нежелательных последствий первого. Чтобы воспрепятствовать переходу имущества семьи сестры в семью брата, ей назначали в приданое половину имущества брата.

Сенека, рассказывая о Силане, женившемся на своей сестре, говорит, что в Афинах такие браки разрешались редко, а в Александрии они были обычным явлением. Там, где всем управлял один человек, не могло быть и речи об охране имуществ от раздела.

Для охраны земель от дробления в демократии весьма полезен был закон, который предписывал, чтобы отец, имеющий несколько человек детей, выбрал из них одного для передачи ему по наследству своей части, а прочих отдал для усыновления какому-нибудь бездетному человеку, дабы число граждан было всегда равно числу земельных участков.

Фалеас Халкедонский изобрел способ установить равенство имуществ в республике, где этого равенства не было. Он постановил, чтобы богатые давали приданое бедным, а сами не получали его от них и чтобы бедные получали деньги за своих дочерей, а сами денег не давали. Но я не знаю ни одной республики, которая усвоила бы себе подобное установление. Оно ставит граждан в условия, обнаруживающие такие вопиющие различия, что это одно заставило бы их возненавидеть самое то равенство, которое желают установить у них. Благоразумие требует иногда, чтобы законы не шли так напрямик к своей цели.

Хотя в демократии действительное равенство есть душа государства, но его так трудно установить, что слишком большая точность в этом отношении не всегда желательна. Достаточно, если будет установлен ценз, определяющий и ограничивающий до некоторой степени различия; после этого специальные законы должны будут, так сказать, уравнивать неравенства посредством налогов на богатых и льгот бедным. Только владельцы средних состояний могут предлагать такого рода уравнивания или мириться с ними, богачи же во всяком ограничении их почестей и власти видят для себя оскорбление.

Всякое неравенство в демократии должно вытекать из природы демократии и даже из самого принципа равенства. Так, например, можно опасаться, как бы люди, обязанные поддерживать свое существование непрерывным трудом, не слишком обеднели вследствие отправления ими общественных должностей или же не пренебрегли обязанностями, налагаемыми на них этими должностями; чтобы ремесленники не возгордились; чтобы слишком многочисленные вольноотпущенники не сделались могущественнее исконных граждан, и во всех этих случаях равенство между гражданами может быть нарушено в демократии для блага самой демократии. Но в таких случаях нарушается только кажущееся равенство, так как человек, разорившийся на службе обществу, оказался бы в худшем положении, сравнительно с прочими гражданами, и этот самый человек, будучи вынужден необходимостью пренебрегать своими служебными обязанностями, мог бы этим поставить прочих граждан в положение, худшее даже по сравнению с его собственным, и т. д.

Глава VI

Как законы должны поддерживать умеренность в демократии

В благоустроенной демократии земельные участки должны быть не только равными, но также и небольшими, как у римлян. «Не дай бог, – говорил Курий своим воинам, – чтобы гражданин почитал слишком малым кусок земли, достаточный для прокормления человека!»

Как равенство состояний поддерживает умеренность, так умеренность поддерживает равенство состояний. Хотя это две различные вещи, но они таковы, что одна без другой существовать не может; каждая из них есть и причина и следствие; если одна покидает демократию, другая всегда уходит вслед за нею.

Правда, в демократиях, которые основаны на торговле, может случиться, что отдельные лица будут обладать большими богатствами, а нравы, несмотря на это, останутся неповрежденными. Дело в том, что дух торговли влечет за собою дух воздержания, бережливости, умеренности, трудолюбия, благоразумия, спокойствия, порядка и исправности, поэтому, пока этот дух держится, богатства, производимые им, не оказывают никакого дурного влияния. Зло наступает лишь после того, как этот дух торговли будет уничтожен излишним накоплением богатств. Тогда все неурядицы неравенства, которые до той поры не давали себя чувствовать, вдруг выступают наружу.

Чтобы поддержать этот дух торговли, надо, чтобы первые граждане сами занимались ею; чтобы этот дух господствовал безраздельно, не смешиваясь с другим; чтобы все законы охраняли его; чтобы те же законы, распределяя богатства по мере того, как они увеличиваются торговлей, доставляли каждому бедному гражданину такое благосостояние, которое давало бы ему возможность работать, как прочие, а каждого богатого гражданина ставили бы в такое умеренное положение, которое заставляло бы его трудиться, чтобы приобретать и сберегать.

Закон, уделяющий всем детям равную долю из наследства их отца, очень благоприятен для торговой республики. Благодаря этому закону, как бы ни был богат отец, дети всегда будут беднее его и потому будут склонны избегать роскоши и трудиться по примеру своего отца. Говоря это, я имею в виду лишь торговые республики; для прочих же есть немало других мер, о которых следует подумать законодателю.

В Греции было два рода республик: одни – военные, как Лакедемон, а другие – торговые, как Афины. В одних хотели сделать граждан праздными, в других им старались внушить любовь к труду. Солон считал праздность преступлением и хотел, чтобы каждый гражданин отдавал отчет в том, каким образом он приобретает средства к существованию. В самом деле, при хорошей демократии, в которой все должны ограничиваться необходимым, каждый должен приобретать средства к существованию своим трудом, так как никто не может их ему предоставить.

Глава VII

Другие средства, содействующие принципу демократии

Равный раздел земель возможен не для всех демократий. Есть обстоятельства, когда такая мера была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибегать к крайним мерам. И если этот раздел, цель которого – охранение нравов, окажется неподходящим для какой-нибудь демократии, то надо обратиться к другим средствам.

Можно создать определенное учреждение, которое само собой явится образцом и правилом в области нравов, например сенат, доступ в который открывается возрастом, добродетелью, степенностью характера, заслугами. Такие сенаторы, поставленные перед лицом народа как некое подобие богов, внушат ему чувства, которые глубоко укоренятся во всех семействах.

Особенно нужно, чтобы этот сенат отличался приверженностью к учреждениям старины и действиями своими поддерживал любовь к ним в народе и его сановниках.

Нравы много выигрывают от этой приверженности к обычаям старины. Народы с испорченными нравами редко совершают великие дела; не они учреждают общества, основывают города, устанавливают законы; напротив, большая часть учреждений создана народами, нравы которых были суровы и просты; призывать людей к заветам старины – значит в большинстве случаев возвращать их к добродетели.

Сверх того, когда совершалась какая-нибудь революция и государству придавалась новая форма, то все это могло осуществиться лишь посредством бесконечных усилий и трудов и редко – при наличии испорченных нравов и праздности. Те самые люди, которые совершали революцию, желали сделать ее блага ощутимыми для всех, и они могли достигнуть этого лишь посредством установления хороших законов. Древние учреждения поэтому обыкновенно являются исправлением зла, а новые – злоупотреблениями. В течение долгого правления люди незаметно спускаются ко злу и могут снова подняться к благу только усилием.

Было много споров о том, должны ли члены сената, о котором идет речь, избираться пожизненно или только на время. Конечно пожизненно, как это было в Риме, Лакедемоне, даже в Афинах, так как не надо смешивать того, что называли в Афинах сенатом, весь состав которого обновлялся через каждые три месяца, с ареопагом, члены которого избирались на всю жизнь в качестве постоянных образцов.

Общее правило: в сенат, созданный для того, чтобы служить образцом и, так сказать, хранилищем нравов, сенаторов следует избирать пожизненно; в сенат, созданный для подготовки дел, сенаторов можно избирать на срок.

Дух, говорит Аристотель, стареет так же, как и тело. Но это замечание верно только по отношению к единичному государственному деятелю и не может быть приложимо к собранию сенаторов.

В Афинах, кроме Ареопага, были еще стражи нравов и стражи законов. В Лакедемоне все старцы были цензорами. В Риме цензура принадлежала двум особым сановникам. Как сенат наблюдает за народом, так цензоры должны надзирать за народом и сенатом. Они обязаны исправлять всякий порок в республике, отмечать недостаток усердия, судить упущения, исправлять ошибки, подобно тому как законы карают преступления.

Римский закон, предписывавший, чтобы обвинение в прелюбодеянии предъявлялось публично, в высшей степени способствовал охранению чистоты нравов; он устрасал женщин; он устрасал и тех, которые должны были надзирать за ними.

Ничто так не способствует охранению нравов, как крайнее подчинение молодых людей старикам. Оно сдерживает и тех и других: первых – в силу уважения к старцам, а последних – в силу уважения к самим себе.

Ничто не придает такой силы законам, как крайнее подчинение граждан их правителям. «Великое различие, которое Ликург установил между Лакедемоном и прочими государствами, – говорит Ксенофонт, – заключалось главным образом в том, что он заставил граждан повиноваться законам: на призыв правителя они устремляются бегом. В Афинах же богатый человек пришел бы в отчаяние, если бы на него посмотрели как на лицо, зависящее от чиновника».

Отческая власть – тоже очень полезное средство для охранения нравов. Мы уже сказали, что в республике нет той сдерживающей силы, которая есть в других видах правления, поэтому законы должны стараться возместить ее чем-нибудь, и это достигается отцовской властью.

В Риме отцы имели право жизни и смерти над своими детьми. В Лакедемоне каждый отец имел право наказать чужого ребенка.

Отцовская власть исчезла в Риме вместе с республикой. В монархиях, где нет никакой надобности в такой чистоте нравов, требуется, чтобы каждый жил под властью чиновников.

Римские законы, приучив молодых людей к зависимости, установили длительный период несовершеннолетия. Мы, может быть, напрасно усвоили этот обычай: монархия не нуждается в таких стеснениях.

Во имя того же повиновения в республике может явиться надобность в законе, предоставляющем отцу пожизненное право распоряжаться имуществом своих детей, как это было в Риме. Но это не в духе монархии.

Глава VIII

Каково должно быть отношение законов к принципу правления в аристократическом государстве

Если в аристократическом государстве народ добродетелен, то люди могут быть почти так же счастливы, как и при народном правлении, и государство будет могущественно. Но так как редко случается, чтобы там, где имущество граждан распределено так неравномерно, люди были бы очень добродетельны, то нужно, чтобы законы старались, насколько это от них зависит, водворить в этом государстве дух умеренности и восстановить в нем то равенство, которое неизбежно устраняется самим характером его устройства.

Этот дух умеренности и есть то, что в аристократии зовется добродетелью; он занимает там место духа равенства в народном государстве.

Если роскошь и великолепие, окружающие государя, составляют часть его могущества, то скромность и простота обращения составляют силу аристократической знати. Если она ничем не старается отличить себя от других, если она сливается с народом, носит одинаковую с ним одежду и допускает его к участию в своих удовольствиях, народ забывает о своей бессилии.

У каждого правления есть своя природа и свой принцип, поэтому аристократия не должна усваивать себе природу и принцип монархии, что произошло бы в том случае, если бы одна группа знати имела какие-нибудь личные, особенные прерогативы, отличные от тех, которые принадлежат всему сословию. Привилегии пусть даются сенату, а сенаторам – ничего, кроме простого уважения.

Есть два основных источника неурядиц в аристократических государствах: крайнее неравенство между теми, которые управляют, и теми, которыми управляют; и такое же неравенство между членами сословия, которое управляет. Из этих двух неравенств рождается и зависть, и ненависть, которые должны предупреждаться или пресекаться законами.

Первое неравенство происходит по преимуществу в том случае, когда привилегии аристократии почетны лишь потому, что они позорны для народа. Таков был в Риме закон, который запрещал патрициям заключать браки с плебеями и единственные последствия которого состояли в том, что патриции стали, с одной стороны, более высокомерными, а с другой – более ненавистными. Нечего говорить о том, какую пользу извлекли трибуны для своих речей из этого закона.

Это неравенство является еще и тогда, когда граждане поставлены в неодинаковые условия по отношению к налогам, что происходит в следующих четырех случаях: когда дворяне дают себе привилегию не платить налогов; когда они обманом избегают от платежа; когда они употребляют в свою пользу эти платежи под предлогом вознаграждения или жалованья за отправляемые ими должности; наконец, когда они облагают народ данью и разделяют между собою налоги, взимаемые ими с него. Последнее случается редко; в таком случае аристократическое правление является самым тягостным из всех.

Пока в Риме преобладало аристократическое направление, он очень успешно избегал этих неудобств. Его должностные лица никогда не получали жалованья за свою службу. Первые лица в республике были обложены, как и прочие, и даже больше прочих, а иногда только они одни и облагались. Наконец, они не только не присваивали себе доходов государства, но все, что они могли извлечь из общественной казны, и все богатства, которыми их наделяла фортуна, – все это они распределяли в народе как бы в возмещение тех почестей, которыми они пользовались.

Одно из основных правил состоит в том, что такие подарки народу настолько же вредны в демократии, насколько они могут быть полезны в аристократическом правлении. В первом случае они губят гражданский дух, а во втором – укрепляют его.

Если же эти доходы не распределяются в народе, то надо ему показать, что ими хорошо распоряжаются: даже видя их, он уже некоторым образом пользуется ими. Золотая цепь, которую протягивали в Венеции, богатства, которые проносили на триумфах в Риме, сокровища, хранившиеся в храме Сатурна, были поистине богатствами народа.

В аристократическом государстве всего важнее то, чтобы взимание податей не было делом знати. В Риме первый разряд граждан был свободен от этой обязанности: ее возложили на второй, но и тут обнаружились впоследствии большие неудобства. При аристократическом правлении, когда подати взимала бы знать, частные лица оказались бы оставленными на произвол должностных лиц и над этими лицами не было бы никакого верховного суда. Люди, обязанные преследовать злоупотребления, предпочли бы пользоваться ими. Знать уподобилась бы деспотическим государям, которые конфискуют имущества у всех, у кого только пожелают.

Вскоре на получаемые таким образом доходы стали бы смотреть как на законную собственность, которую корыстолюбие приумножало бы по собственному произволу. Доходы от откупов резко снизились бы, доходы государства были бы сведены почти к нулю. Вот причина того, почему некоторые государства без всяких заметных потрясений доходят до слабости, которая удивляет их соседей и даже их собственных граждан.

Законы должны также воспрещать знати заниматься торговлей, иначе такие могущественные купцы заведут всякого рода монополии. Торговля требует равенства между лицами, занимающимися ею, и из всех деспотических государств самые несчастные те, где государь занимается торговлей.

Законы Венеции запрещают дворянам торговлю, которая могла бы дать им возможность приобретать слишком большие богатства даже невинными средствами.

Законы должны во что бы то ни стало заставить знать оказывать правосудие народу. Если они не создали должности трибуна, то они сами должны быть трибуном.

Всякая возможность обойти закон губит аристократию и приближает тиранию.

Во все времена законы должны обуздывать высокомерие тех, кому принадлежит господство. Необходимо учреждение – временное или постоянное, которое заставляло бы трепетать дворян, учреждение, подобное тем эфорам Спарты и государственным инквизиторам Венеции, деятельность которых не была стеснена никакими формальностями. Это правление нуждается в крутых, сильно действующих мерах. В Венеции к услугам доносчиков была вечно открытая щель каменного ящика, словно разверстая пасть тирании.

Эти тиранические учреждения аристократии соответствуют цензуре в демократии, которая по своей природе не менее независима. В самом деле, цензоры не подлежат ответственности за свои действия на протяжении всего срока исполнения ими своих обязанностей. Им надо доверять и никогда не убивать в них энергии. Римляне были замечательны в этом отношении: они позволяли требовать отчета у всех должностных лиц, за исключением цензоров.

Две вещи пагубны для аристократии: крайняя бедность знати и ее чрезмерное богатство. Чтобы предупредить обеднение знати, надо более всего стараться обязать ее к своевременной уплате долгов. Чтобы умерять ее богатство, необходимо прибегать к мерам благоразумным и незаметным, но отнюдь не к конфискациям, аграрным законам, отмене долгов, что причиняет бесчисленные бедствия.

Законы должны отменить у дворян право первородства, дабы имущества уравнивались путем постоянного раздела наследств. Не следует допускать субституций, выкупа родовых имений, майоратов, усыновлений. Все средства, изобретенные в монархических государствах для поддержания могущества отдельных родов, не должны иметь места в государствах аристократических.

Уравняв роды, закон должен еще поддерживать между ними дух единения. Раздоры между дворянами должны разрешаться быстро, иначе споры между лицами обращаются в родовые распри. Эти споры могут разрешаться или предупреждаться посредниками.

Наконец, законы отнюдь не должны покровительствовать тем различиям, которые устанавливает между семействами тщеславие под предлогом большей знатности или древности. Такие притязания следует рассматривать как проявление мелочности со стороны отдельных лиц.

Достаточно бросить взгляд на Лакедемон, чтобы увидеть, как умело справлялись там эфоры со слабостями царей, вельмож и народа.

Глава IX

О соответствии законов монархии их принципу

Так как принцип этого образа правления – честь, то законы его должны соответствовать этому принципу.

Они должны поддерживать знать, которая есть, так сказать, и создатель, и создание этой чести.

Они должны установить наследственность дворянства, но для того, чтобы оно было не стеной между силой государя и слабостью народа, а связью между ними.

Субституции, как средство, препятствующее переходу семейного имущества в чужие руки, очень полезны для этого образа правления, хотя неуместны в прочих.

Обязательный выкуп родового имущества возвращает в дворянские семьи земли, отчужденные мотовством какого-нибудь родственника.

Дворянские земли должны обладать привилегиями, подобно лицам. Нельзя отделить достоинство государя от достоинства его государства, точно так же нельзя отделять и достоинство дворянина от достоинства его поместья.

Все эти прерогативы должны составлять особенности дворянства; их нельзя предоставлять народу, если не желают поколебать принцип правления и подорвать силы и дворянства, и народа.

Право субституций стеснительно для торговли; выкуп родового имущества порождает бесчисленные тяжбы; все запроданные земли государства остаются по меньшей мере в продолжение года без владельца. Прерогативы, связанные с феодами, очень обременительны для тех, кто их получает, но все эти неудобства, связанные с существованием дворянства, исчезают перед приносимой им общей пользой. Однако предоставить подобные привилегии народу – значит поколебать без всякой необходимости все принципы правления.

В монархиях можно разрешить отцу завещать большую часть своего имущества одному из сыновей. Собственно, только здесь и уместно такое разрешение.

Законы должны покровительствовать всякой торговле, допускаемой этим образом правления, дабы подданные могли без крайнего разорения удовлетворять вечно возрождающиеся потребности государя и его двора.

Законы должны внести некоторый порядок в способ взимания налогов, дабы он не стал тяжелее самих налогов.

Тяжелые налоги вызывают непосильный труд; труд – изнурение; изнурение – дух лености.

Глава X

О быстром выполнении дел в монархии

Монархическое правление имеет одно преимущество перед республиканским: так как дела там ведутся одним лицом, то они выполняются скорее. Но чтобы эта скорость не выродилась во вредную поспешность, законы должны внести в нее некоторые замедления. Они должны не только покровительствовать природе каждого образа правления, но и противодействовать тем злоупотреблениям, которые могут явиться следствием этой природы.

Кардинал Ришелье не хотел допускать в монархиях образования промышленных компаний, которые создают так много затруднений. У этого человека деспотизм был не только в сердце, но и в голове.

Учреждения, обязанные охранять законы, всего лучше исполняют свои обязанности, когда они двигаются замедленным шагом и вносят в обсуждение дел государя ту обдуманность, которой невозможно ожидать ни от малосведущих в законах государства придворных, ни от торопливых государственных советов.

Что стало бы с самой лучшей в мире монархией, если бы должностные лица своей медлительностью, своими жалобами и просьбами не останавливали даже добрых порывов своих государей, когда те, повинаясь только одним влечениям своей великой души, захотели бы награждать выше всякой меры за услуги, оказанные им мужеством и преданностью, также не знавшими меры?

Глава XI

О преимуществах монархического образа правления

Монархическое правление имеет одно большое преимущество перед деспотическим. Так как самая природа этого правления требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя, то благодаря этому государство получает большую устойчивость; его строй оказывается более прочным, а личность правителей – в большей безопасности.

Цицерон считает, что учреждение в Риме трибунов было спасением республики. «В самом деле, – говорит он, – сила народа ужаснее, когда у него нет предводителя. Предводитель чувствует, что он за все будет в ответе, и озабочен этим, между тем как ослепленный страстью народ не видит опасностей, которым он себя подвергает». Это рассуждение приложимо и к деспотическому государству, которое есть народ без трибунов, и к монархии, где у народа есть нечто подобное трибунам.

В самом деле, мы всюду видим, что в волнениях, происходящих в деспотических государствах, народ, предоставленный самому себе, доводит всякое дело до крайних пределов возможного, совершая ужасные беспорядки, между тем как в монархиях такие крайности случаются очень редко. Предводители боятся за себя; они опасаются быть покинутыми; зависимые посредствующие власти не хотят, чтобы народ забрал слишком много силы. Государственные чины редко бывают полностью развращены; государь опирается на них, и бунтовщики, не имея ни желаний, ни надежды ниспровергнуть государство, не могут и не хотят низвергнуть государя.

При таких обстоятельствах люди, обладающие благоразумием и властью, выступают в качестве посредников. Начинаются переговоры, уступки, смягчения, законы снова вступают в силу и заставляют себе повиноваться.

Вот почему наша история полна рассказов о гражданских войнах без переворотов; история каждого деспотического государства изобилует переворотами без гражданских войн.

Те, кто писал историю гражданских войн в разных государствах, и даже те, кто возбуждал эти войны, достаточно убеждают нас, насколько малоподозрительной должна казаться государям та власть, которую они предоставляют некоторым государственным сословиям, ибо и писатели, и народные предводители даже среди своих заблуждений не переставали вздыхать о законах и своем долге и более сдерживали пылкую стремительность мятежных элементов, чем содействовали ей.

Кардинал Ришелье, полагая, может быть, что он уже слишком пренебрежительно относился к сословиям государства, обратился для поддержки государства к добродетелям государя и его министров, требуя от них такой проникательности, такого просвещения, такого мужества и таких познаний, что надо поистине быть ангелом, чтобы иметь все это. Едва ли позволительно надеяться, что за все время от наших дней до исчезновения монархий будет когда-либо такой государь и такие министры.

Народы, которые живут под охраной хорошего управления, счастливее тех, которые, не зная ни законов, ни начальников, скитаются по лесам; подобно тому и монархи, которые подчиняются основным законам своего государства, счастливее тех деспотических государей, у которых нет ничего, способного управлять сердцами их подданных и даже собственным сердцем.

Глава XII

Продолжение той же темы

Не ищите великодушия в деспотических государствах; государь не может передать там своим подданным величия, которого нет у него самого; слава не живет в его владениях.

Только в монархиях мы видим вокруг государя подданных, озаряемых лучами его света; только тут каждый, занимая, так сказать, более значительное пространство, может проявлять те добродетели, которые, не развивая в душе чувства независимости, все же придают ей величие.

Глава XIII

Идея деспотизма

Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление.

Глава XIV

О соответствии законов деспотического правления их принципу

Принцип деспотического правления – страх; но для народов робких, невежественных, угнетенных не нужно много законов.

Тут все должно держаться на двух-трех идеях – новых и не требуется. Обучая чему-нибудь животное, надо всего более остерегаться менять учителей, уроки и приемы обучения. Вы запечатлеваете в его мозгу два-три движения – не больше.

Если государь живет затворником, то он не может выйти из приюта своих наслаждений, не приведя в отчаяние всех, кто удерживает его там. Все эти люди боятся, чтобы его личность и власть не перешли из их рук в другие, поэтому он редко ведет войну лично и тем более боится доверить руководство военными действиями своим полководцам.

Такой государь, не привыкший встречать в своем дворце никакого противодействия, возмущается сопротивлением, которое ему оказывают с оружием в руках, поэтому он обыкновенно действует в таких случаях под влиянием гнева или мстительности. К тому же он не может иметь понятия об истинной славе. Поэтому войны здесь ведутся с первобытной свирепостью и международное право имеет менее влияния, чем при других правлениях.

Такой государь имеет столько пороков, что следует опасаться выводить напоказ его тупость. Его скрывают, и никто не знает, в каком он находится состоянии. К счастью, люди в этих странах таковы, что управлять ими можно и одним только именем государя.

Когда Карл XII, будучи в Вендорах, встретил некоторое противодействие своей воле со стороны сената Швеции, он написал сенаторам, что пришлет командовать ими свой сапог. Этот сапог командовал бы не хуже деспотического государя.

Если государь попал в плен, он считается умершим и на престол вступает другой. Договоры, заключаемые пленником, не имеют силы; его преемник не утвердит их. В самом деле, так как в его лице соединены и законы, и государство, и государь, то раз он не государь, то он уже ничто, и если бы его не сочли умершим, то государство оказалось бы разрушенным.

На решение турок заключить сепаратный мир с Петром I всего более повлияло то, что московиты сообщили визирю, будто в Швеции посадили на престол другого короля.

Охрана государства сводится здесь к охране государя, или, скорее, к охране дворца, где он пребывает безвыходно. Все, что не угрожает непосредственно этому дворцу или столице, не производит никакого впечатления на невежественные, надменные и предубежденные умы; что же касается до взаимной связи событий, то эти люди не в состоянии ни следить за нею, ни предвидеть ее, ни даже думать о ней. Политика, ее средства и ее законы являются здесь в виде очень ограниченном, и политическое управление тут столь же просто, как и гражданское.

Все сводится к тому, чтобы согласовать политическое и гражданское управление с домашним и объединить должностных лиц государства с должностными лицами сераля.

Самое лучшее положение для такого государства будет то, при котором оно как бы существует одно на свете, когда оно окружено пустынями и изолировано от других народов, которых оно называет варварами. Поскольку оно не может полагаться на свои войска, оно иногда находит нужным уничтожить некоторую часть самого себя.

Если принцип деспотического государства – страх, то цель его – тишина; но это не тишина мира, а затишье города, ожидающего вступления неприятеля.

Так как сила государства заключается не в нем самом, а в войске, которое его основало, то это войско необходимо сохранять для защиты государства, а между тем оно страшно самому государю. Как же согласовать безопасность государства с безопасностью особы его государя?

Посмотрите, с каким усердием старается московское правительство освободиться от деспотизма, который тяготит его даже более, чем его народы. Были уничтожены целые большие отряды войска, смягчены наказания за преступления, учреждены суды, начали знакомиться с законами и просвещать народ. Но есть особые причины, которые, может быть, снова ввергнут его в то бедствие, которого оно старалось избежать.

В этих государствах религия имеет большее влияние, чем во всех прочих; она – страх, прибавленный к страху. Отчасти из ее источника и черпает народ в магометанских государствах ту изумительную преданность, которую он питает к своим государям.

Религия же несколько исправляет и недостатки турецкого государственного строя. Подданные, не связанные с величием и славой своего государства принципами чести, связываются с ним силой и принципом религии.

Из всех деспотических государств нет ни одного, которое так обременяло бы самого себя, как то, где государь объявляет себя собственником всех земель и наследником всех своих подданных. Неизбежным следствием этого бывает то, что земли перестают обрабатываться, а если государь к тому же занимается торговлей, то оказывается разрушенной и всякая промышленность.

В таких государствах ничего не исправляют, ничего не улучшают; дома строятся там лишь на время жизни их владельца; там не роют канав, не сажают деревьев; там извлекают из земли все, что она может дать, и ничего не отдают ей обратно; там все запущено, везде пустыня.

Быть может, вы думаете, что законы, отменяющие земельную собственность и наследование имуществ, ослабят скупость и жадность вельмож? Нет, это только еще более усилит их жадность и скупость. Они станут считать своим только то золото или серебро, которое им удастся украсть и припрятать, и потому будут совершать тысячи вымогательств.

Чтобы не все погибло, надо, чтобы корыстолюбие государя умерялось каким-нибудь обычаем. Так, в Турции государь обыкновенно довольствуется взиманием трех процентов со всех наследств простого народа. Но так как великий государь раздает большую часть земель своей армии и располагает ими по собственному произволу, так как он захватывает все наследства чиновников империи и так как в случае смерти человека, не оставившего после себя детей мужского пола, его имущество становится собственностью великого государя, а дочери умершего имеют только право пользования им, то в конечном счете владение большей частью имуществ в государстве является весьма непрочным.

По закону Бантама, царь получает в наследство даже жену, детей и дом покойного. Во избежание самого жестокого последствия этого закона там женят детей в возрасте десяти, девяти, восьми лет, а иногда и того моложе, чтобы избавить их от горькой участи стать частью отцовского наследства.

В государствах, не имеющих основных законов, не может быть определенного порядка наследования престола. Там государь сам избирает себе преемника в своем семействе или вне его. Напрасно было бы устанавливать право престолонаследия за старшим сыном; государь всегда может избрать другого. Преемник определяется или самим государем, или его министрами, или междоусобной войной. Таким образом, в этом государстве по сравнению с монархией имеется еще одна лишняя причина для разложения.

Так как все члены семьи государя имеют равные права на избрание в преемники ему, то отсюда проистекает, что тот из них, кто вступил на престол, первым делом или приказывает передуть своих братьев, как в Турции; или ослепляет их, как в Персии; или объявляет их сумасшедшими, как у Могола; если же ни одна из этих мер предосторожности не принята, как в Марокко, то каждый случай вакантности престола сопровождается ужасными междоусобиями.

В Московском государстве царь волен избрать себе в преемники кого хочет или в своем семействе, или вне его. Такое установление о преемственности порождает тысячи смут и делает положение престола настолько шатким, насколько произвольна его преемственность. Так как

порядок престолонаследия принадлежит к вещам, которые всего важнее знать народу, то лучшим будет тот, который основан на фактах наиболее очевидных, каковы, например, рождение или известный порядок родства. Такое установление прекращает интриги и пресекает замыслы властолюбия; при нем уже нет надобности стараться овладеть умом слабого государя и заставлять говорить умирающих.

Когда порядок престолонаследия установлен основным законом, наследником престола является только одно лицо и у братьев его нет уже никакого действительного или кажущегося права оспаривать у него корону. Никто уже не может строить догадок по поводу воли государя или ссылаться на нее; отнимать свободу или жизнь у брата государя так же мало надобности, как и у всякого другого подданного.

Но в деспотических государствах, где братья государя являются в одно и то же время и его рабами, и его соперниками, осторожность велит держать их в руках, особенно в магометанских странах, где в победе и удаче религия видит суд Божий и где вследствие этого все государи царствуют не в силу права, а в силу факта.

В государствах, где принцы крови знают, что если они не захватят престол, то будут заключены в тюрьму или преданы смерти, стремление к власти сильнее, чем у нас, где принцы крови пользуются положением, достаточно удовлетворительным если не для честолюбия, то для более скромных желаний.

Деспотические государи всегда злоупотребляли браком. Они обыкновенно берут себе несколько жен, особенно в той части света, где деспотизм, так сказать, натурализован, т. е. в Азии. И у них такое множество детей, что ни между отцом и детьми, ни между самими детьми не может существовать никакого родственного чувства.

Царская семья походит на государство: она слишком бессильна, а ее глава слишком могуществен; она обширна, но доведена до полного ничтожества. Артаксеркс умертвил всех своих детей за то, что они составили против него заговор. Трудно, однако, поверить, чтобы 50 человек детей устроили заговор против отца, и еще менее правдоподобно, что они затеяли этот заговор потому, что их отец не пожелал уступить своей наложницы старшему сыну. Гораздо проще объяснить все это одной из интриг сералей Востока, этих мест, где притворство, злоба и хитрость царствуют в тишине под покровом непроницаемого мрака и где дряхлый государь, глупеющий с каждым днем, является первым пленником дворца.

После всего сказанного естественно возникает мысль, что человеческая природа будет постоянно возмущаться против деспотического правления; но, несмотря на любовь людей к свободе, несмотря на их ненависть к насилию, большая часть народов все же подчинилась деспотизму. И не трудно понять, почему это произошло. Чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие, подбавлять, так сказать, балласту одной, чтобы она могла уравновешивать другую; это такой шедевр законодательства, который редко удастся выполнить случаю и который редко позволяют выполнить благоразумию. Напротив, деспотическое правление, так сказать, само бросается в глаза; оно повсюду единообразно, и так как, чтобы установить его, не нужно ничего, кроме страстей, то на это всякий пригоден.

Глава XV

Продолжение той же темы

В жарких климатах, где обыкновенно царит деспотизм, страсти пробуждаются раньше и раньше затихают, умственные способности скорее достигают зрелости; там меньше соблазнов для расточительности, меньше возможностей отличиться, меньше общения между молодыми людьми, которые живут в своих домах как затворники; там женятся раньше, и потому права совершеннолетия там предоставляют в более раннем возрасте, чем в наших европейских климатах. В Турции совершеннолетие считается с возраста пятнадцати лет.

Там нельзя освобождаться от долгов уступкой своего имущества кредитору. В государстве, где личность не имеет обеспеченного имущества, ссуды делаются более лицу, чем его имуществу.

Такого рода передача имущества естественна в правлениях умеренного типа, особенно в республиках, вследствие большего доверия к добросовестности граждан в этих государствах и большей мягкости нравов, порождаемой формой правления, которую каждый как бы сам для себя создал.

Если бы законодатели установили уступку имущества в Римской республике, то эта республика не подверглась бы стольким мятежам и гражданским неурядицам и не извела бы ни опасностей недугов, ни пагубных последствий лекарств.

Бедность и непрочность владения имуществами в деспотических государствах неизбежно приводят к развитию в них ростовщичества, так как цена денег там, естественно, увеличивается соответственно риску, которому подвергается каждый, кто их ссужает. Таким образом, нищета проникает в эти государства со всех сторон. Они лишены всего, даже возможности делать займы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.